

ГЛАВА IV.

Перейдемъ къ такъ называемой метафизической логикѣ. Характеризуется это направленіе въ общемъ тѣмъ, что послѣдователи его вносятъ въ нашу науку метафизическій элементъ, что они законамъ логики стараются въ такой или иной мѣрѣ придать значеніе метафизическое. Формальная логика вообще устанавливаетъ законы нормальной мысли и этимъ и ограничивается. Логика метафизическая²⁶¹⁾ опредѣляетъ законы мысли нашей, а кромѣ того разсуждаетъ о томъ, будто законы эти имѣютъ—непосредственно или, по крайней мѣрѣ, *mutatis mutandis*—метафизическое значеніе; крайніе-же изъ приверженцевъ этого направленія прямо объявляютъ логическіе принципы за метафизическіе²⁶²⁾.

Метафизическій элементъ вносить въ логику уже Аристотель²⁶³⁾. Его таблица категорій представляетъ раздѣленіе по группамъ а) названій, понятій или идей и, кромѣ того, б) всего, что, если такъ можно выразиться, входитъ въ составъ «сущаго» или, по крайней мѣрѣ, принадлежитъ таковому. «Мы можемъ высказывать что-либо въ связной рѣчи (*κατὰ συνπλοκήν*) и внѣ таковой. Высказываемъ мы въ связной рѣчи, когда, на примѣръ, говоримъ: человекъ бѣжитъ, человекъ побѣждаетъ,—внѣ связной рѣчи: человекъ, быкъ, бѣжитъ, побѣждаетъ»²⁶⁴⁾. «То, что мы вы-

²⁶¹⁾ Ср. М. Katzenberger «Wissenschaft vom logischen Denken». I-er Th. «Die Grundfragen der Logik». Leipz. 1858 p. 38—41.

²⁶²⁾ См. ниже о логикѣ у Гегеля.

²⁶³⁾ Ср. Fr. Alb. Lange «Logische Studien». Iserl. 1877 p. 2.

²⁶⁴⁾ Aristotelis «Opera omnia», rec. I. Th. Buhle. Vol. I—III. Biponti 1716—1717. Categ. c. II. 1 (vol. I p. 446).

сказываемъ въ связной рѣчи, обозначаетъ или сущность, или количество, или качество»... ²⁶⁵) (слѣдуетъ перечисленіе десяти категорій). Эти слова Аристотеля показываютъ, говоримъ мы, что въ таблицѣ категорій у него распредѣляются по группамъ названія, смотря по тому, что они обозначаютъ, а также понятія или идеи ²⁶⁶). Но, съ другой стороны, таблица эта должна оказаться и раздѣленіемъ на группы всего того, что составляетъ «сущее» и принадлежитъ ему. Въдѣ, распредѣляетъ Аристотель названія и понятія или идеи, построяетъ онъ въ данномъ случаѣ логическое дѣленіе, обращая вниманіе, именно, на то, распространяется-ли наше понятіе на какой-либо предметъ или-же только на свойства какого-либо предмета, или, быть можетъ, на количество и т. д. Иными словами, онъ дѣлитъ названія и понятія, принимая въ соображеніе, къ какому разряду относится то, что каждое данное названіе обозначаетъ,—къ какой изъ тѣхъ группъ, которыя получаютъ, если мы распредѣлимъ по разрядамъ все, что составляетъ «сущее» и принадлежитъ таковому. Такимъ образомъ это послѣднее раздѣленіе,—раздѣленіе всего «сущаго» и того, что ему принадлежитъ, оказывается, если не прямо «основаніемъ», въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно употребляютъ этотъ терминъ въ логикѣ (*fundamentum divisionis*), то, можно сказать, *основой* при раздѣленіи понятій по категоріямъ, и рубрики при одномъ дѣленіи и—другомъ совпадаютъ. Не распредѣливъ вещей и того, что вещамъ принадлежитъ, невозможно построить раздѣленія понятій по категоріямъ такъ, какъ это дѣлаетъ Аристотель ²⁶⁷). Категоріи оказываются рубриками для вещей, свойствъ и всего прочаго, что вещамъ принадлежитъ и, уже во вторыхъ только, для понятій и названій, смотря по тому, къ какой изъ этихъ рубрикъ относится то, что каждое данное понятіе выражаетъ. Вотъ почему Аристотель и называетъ категоріи—«κατηγορίαι τοῦ ὄντος» ²⁶⁸). Какъ раздѣленіе «сущаго», таблица категорій можетъ имѣть значеніе для

²⁶⁵) Ibid. c. II, 6 (ibid. vol. I. p. 449).

²⁶⁶) Cp. ibid. c. II, 2—3 (ibid. vol. I p. 447—448); ibid. c. II, 8 (ibid. vol. I p. 450); ibid. c. III, 1 (ibid. vol. I p. 450) и далѣе до конца трактата.

²⁶⁷) Cp. Fr. Harms «Die Philosophie in ihrer Geschichte. II Th. Geschichte der Logik». Brl. 1881 p. 58.

²⁶⁸) Aristotelis «Opera omnia», ed. Didot. Vol. II. Par. 1850. Metaphys. lb. IV c. XXVIII, 5 (p. 532); ibid. lb. VIII c. I, 1 (ibid. p. 564); ibid. lb. XIII c. VI, 8 (ibid. p. 637); «Naturalis auscultatio» (φυσική ἀκρόασις) lb. III c. I, 3 (ibid. p. 273).

метафизики; какъ раздѣленіе понятій и идей, эта таблица представляетъ нѣчто такое, что, если придерживаться въ нашей наукѣ извѣстной точки зрѣнія, можетъ быть внесено въ любой учебникъ логики. Итакъ, въ трактатѣ «О категоріяхъ» мы у Аристотеля находимъ метафизическій элементъ ²⁶⁹⁾. Въ виду этого Ed. Zeller, излагая систему Великаго Стагирита, и включаетъ ученіе о категоріяхъ прямо въ отдѣлъ метафизики, а не логики ²⁷⁰⁾,

Можно найти метафизическій элементъ у Аристотеля и тамъ, гдѣ онъ говоритъ о понятіи, сужденіи, умозаключеніи и доказательствахъ. Но мы при этомъ всюду имѣемъ предъ собой метафизическія разсужденія, которые *внесены* въ логику, а не *отождествленіе* логическихъ принциповъ съ метафизическими. И только по отношенію къ двумъ законамъ, — да и то не всякій разъ, когда о нихъ заходитъ рѣчь, — Аристотель нѣчто подобное, дѣйствительно, допускаетъ, именно, относительно такъ называемыхъ законовъ противорѣчія ²⁷¹⁾ и исключеннаго третьяго ²⁷²⁾. Мы гово-

²⁶⁹⁾ Cp. Aristotelis «Opera omnia», rec. I. Th. Buhle. Vol. I—III. Biponti 1716—1717. Categ. c. II, 2 (vol. I p. 447—448); ibid. c. II, 4—5 (ibid. vol. I p. 448—449); ibid. c. III, 1 (ibid. vol. I p. 450) и дальше до конца трактата. Cp. также Ed. Zeller «Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung». II Th. II Abth. 2-te Aufl. Tüb. 1862 p. 186—190; C. Prantl «Geschichte der Logik im Abendlande». Bde I—IV. Leipz. 1855—1870. I Bd. p. 122—210; Fr. Harms «Die Philosophie in ihrer Geschichte. II Th. Geschichte der Logik». Brl. 1881 p. 47; проф. Сиб. ун. М. И. Владиславлевъ «Логика». Спб. 1872. «Приложеніе» стр. 7.

²⁷⁰⁾ Ed. Zeller «Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung». II Th. II Abth. 2-te Aufl. Tüb. 1862 p. 186—197. Cp. ibid. p. 131. Cp. также A. d. Trendelenburg «Historische Beiträge zur Philosophie. I Bd. Geschichte der Kategorienlehre». Brl. 1846 p. 167—174.

²⁷¹⁾ Aristotelis «Opera omnia», ed. Didot. Vol. II. Par. 1850. Metaphys. lb. III c. III, 8 (p. 503): «Τὸ γὰρ αὐτὸ ἅμα ὑπάρχειν τε καὶ μὴ ὑπάρχειν ἀδύνατον τῷ αὐτῷ καὶ κατὰ τὸ αὐτό». Cp. ibid. lb. II c. II, 8 (ibid. p. 491); ibid. lb. III c. III, 9 (ibid. p. 503—504); ibid. lb. III c. IV, 1 (ibid. p. 504); ibid. lb. III c. V, 1 (ibid. p. 508); ibid. lb. III c. V, 3—4 (ibid. p. 508—509); ibid. lb. III c. VI, 9 (ibid. p. 512); Aristotelis «Opera omnia», rec. I. Th. Buhle. Vol. I—III. Biponti 1716—1717. An. prior. lb. II c. II, 3 (vol. II p. 318). Съ другой стороны, Аристотель Metaphys. lb. III c. VI, 9 (въ указанномъ изданіи Didot vol. II p. 512) говоритъ: «ἀδύνατον ἅμα καταφάναι καὶ ἀποφάναι ἀληθῶς». Cp. ibid. lb. II c. II, 8 (ibid. p. 491); ibid. lb. III c. III, 9 (ibid. p. 503—504); ibid. lb. III c. V, 3 (ibid. p. 508); ibid. lb. III c. VI, 8 (ibid. p. 512); ibid. lb. III c. VIII, 2 (ibid. p. 513); De interpr. c. VI, 4 («Opera omnia», rec. I. Th. Buhle. Vol. I—III. Biponti 1716—1717. Vol. II p. 23); An. post. lb. I c. XI, 2 (ibid. vol. II p. 473).—Cp. Ed. Zeller «Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung».

римъ, у Аристотеля мы встрѣчаемъ здѣсь лишь *ничто, похожее на отождествленіе*, ибо между тѣмъ, какъ ставить дѣло нашъ авторъ, и тѣмъ, какъ поставлено оно во всякой метафизической логикѣ, есть большая разница. Представители метафизическаго направленія въ нашей наукѣ обыкновенно утверждаютъ, что логическіе законы суть въ то-же время принципы метафизическіе. Одинъ и тотъ-же принципъ у нихъ часто оказывается и логическимъ, и метафизическимъ; а наиболѣе крайніе между приверженцами этого направленія даже прямо объявляютъ, будто логика ничто иное, какъ одинъ изъ отдѣловъ метафизики²⁷³). Аристотель далекъ отъ того, чтобы признавать логическіе принципы за метафизическіе. Не можетъ у него одинъ и тотъ-же принципъ оказаться и логическимъ, и метафизическимъ. Законамъ противорѣчія и исключеннаго третьяго онъ только даетъ двоякую формулировку, такъ что въ одной формулировкѣ они оказываются принципами логическими, а въ другой—метафизическими. Возьмемъ. положимъ, законъ противорѣчія. Не одинъ и тотъ-же законъ противорѣчія является у Аристотеля и логическимъ, и метафизическимъ принципомъ. То, что обыкновенно обозначаютъ этимъ именемъ, у него обращается въ два принципа: въ одной формулировкѣ—это логическій законъ противорѣчія; въ другой—извѣстный метафизическій принципъ. И, строго говоря, мы не имѣемъ даже права утверждать, будто Аристотель обыкновенно *смысли-*

II Th. II Abth. 2-te Aufl. Tüb. 1862 p. 174—175 съ примѣчаніями, сюда относящимися; Fr. Ueberweg «System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 247—249; C. Prantl «Geschichte der Logik im Abendlande». Bde I—IV. Leipz. 1855—1870. Bd. I p. 134—135; Fr. Harms «Die Philosophie in ihrer Geschichte. II Th. Geschichte der Logik». Brl. 1891 p. 63.

²⁷²) Aristotelis «Opera omnia», ed. Didot. Vol. II. Par. 1850. Metaphys. lb. III c. VII, 1—2 (p. 512): «Ἀλλὰ μὴν οὐδὲ μεταξὺ ἀντιφάσεως ἐνδέχεται εἶναι οὐθέν... ἤτοι τὸ μεταξὺ ἔσται τῆς ἀντιφάσεως, ὥσπερ τὸ φαῖον μέλανος καὶ λευκοῦ, ἢ ὡς τὸ μᾶλλον ἀνθρώπου καὶ ἵππου... рѣчь идетъ не о томъ, что невозможно для мысли нѣчто среднее между утвержденіемъ и отрицаніемъ, а о томъ, что невозможно объективно подобная середина. Ср. ibid. lb. III c. VII, 1—2 (ibid. p. 512—513). Съ другой стороны Аристотель говоритъ: ...ἀνάγκη ἢ φάναι ἢ ἀποφάναι ἐν καὶ ἐνός ὁτιοῦν» (ibid. lb. III c. VII, 1. Ibid. p. 512). Ср. ibid. lb. III c. VII, 3—4 (ibid. p. 513); ibid. lb. III c. VIII, 1—4 (ibid. p. 513—514); An post. lb. I c. II, 12 («Opera omnia», rec. I. Th. Buhle. Vol. I—III. Biponti 1716—1717. Vol. II p. 439).—Ср. C. Prantl «Geschichte der Logik im Abendlande». Bde I—IV. Leipz. 1855—1870. Bd. I p. 134—135.

²⁷³) Ср. ниже о логикѣ у Гегеля.

ваетъ логическій законъ противорѣчія съ соотвѣтствующимъ метафизическимъ принципомъ. Законъ противорѣчія и соотвѣтствующій такому принципу метафизическій у него стоятъ рядомъ: нашъ авторъ даже доказываетъ одинъ изъ другаго ²⁷⁴).

Вообще нужно принять во вниманіе, что во времена Аристотеля различныя философскія науки еще не отдѣлились одна отъ другой. Логикѣ, какъ обыкновенно признаютъ, Аристотель самъ только основываетъ. Отсюда и объясняется то обстоятельство, что разсужденія, которыя мы теперь относимъ къ *различнымъ* отдѣламъ философіи вообще, въ сочиненіяхъ того времени можно часто встрѣтить рядомъ. Здѣсь-же слѣдуетъ, быть можетъ, видѣть и причину того, что въ логическихъ трактатахъ Аристотеля метафизическій элементъ вообще встрѣчается, наконецъ, между прочимъ также и того, что нашъ авторъ, устанавливая логическіе законы противорѣчія и исключеннаго третьяго, рядомъ съ этимъ говоритъ о двухъ метафизическихъ принципахъ, которые по нѣкоторому сходству въ терминахъ и въ формѣ выраженія одинаково можно называть принципами противорѣчія и исключеннаго третьяго.

Итакъ, *метафизическій элементъ* мы въ логическихъ разсужденіяхъ Аристотеля находимъ, но *метафизическаго направленія*, — направленія, представители котораго признаютъ логическіе законы за принципы метафизики или, по крайней мѣрѣ, приписываютъ подобнымъ законамъ также и метафизическое значеніе, «основатель» логики чуждъ.

Такое-же замѣчаніе можно сдѣлать и относительно логики въ средніе вѣка вообще. Можно, напримѣръ, то, что мы сказали только что по поводу логики Аристотеля, повторить почти безъ измѣненій, когда дѣло идетъ о такъ называемомъ средневѣковомъ реализмѣ. Если тотъ или другой ученый этого періода разсуждаетъ въ логикѣ о метафизическихъ сущностяхъ, которыя соотвѣтствуютъ общимъ понятіямъ, онъ тутъ, очевидно, вноситъ въ нашу науку метафизическій элементъ ²⁷⁵). Но такой ученый еще очень далекъ отъ того, чтобы стать на почву метафизическаго напра-

²⁷⁴) Aristotelis «Opera omnia», ed. Didot. Vol. II. Par. 1850. Metaphys. lb. III c. III, 7—9 (p. 503—504); ibid. lb. III c. VI (ibid. p. 511—512). Cp. Fr. Ueberweg «System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 248; K. A. v. Reichlin-Meldegg «System der Logik nebst Einleitung in die Philosophie». Wien 1870. II-te Abth. «System der Logik» p. 6—7.

²⁷⁵) Cp. Fr. Alb. Lange «Logische Studien». Iserl. 1877 p. 2.

влѣнія въ логикѣ. Какой-либо средневѣковой писатель думаетъ, положимъ, что логической формѣ каждого общаго понятія соответствуетъ такая или иная дѣйствительная метафизическая сущность. Онъ, быть можетъ, сказалъ-бы, что въ понятіяхъ мы познаемъ метафизическія сущности, что понятія—такія формы, которыя гарантируютъ намъ познаніе извѣстныхъ сущностей, ноуменовъ. Но никакихъ логическихъ принциповъ онъ при этомъ не объявляетъ за метафизическіе, никакимъ логическимъ законамъ не придаетъ значенія метафизическаго. Такой ученый предположилъ-бы, будто понятіе—форма, имѣющая извѣстное значеніе при разработкѣ метафизики, при развитіи метафизическаго знанія, а не непосредственно въ метафизикѣ для самаго міра метафизическихъ сущностей. Повторяемъ, мы о логикѣ въ средніе вѣка такъ-же, какъ о логикѣ у Аристотеля, можемъ сказать: метафизическій элементъ здѣсь встрѣчается; его въ нашу науку вносить; но метафизическое направленіе въ этотъ періодъ еще не возникаетъ.

Иногда утверждаютъ, будто подготовилъ метафизическое направленіе въ нашей наукѣ Кантъ ²⁷⁶⁾. При этомъ обыкновенно указываютъ на его «трансцендентальную логику» ²⁷⁷⁾.

Не будемъ вдаваться въ размышленія о томъ, какое вліяніе могла оказать «трансцендентальная логика» Канта, на какого рода мысли могъ наталкиваться всякій, кто знакомился съ этимъ отдѣломъ его «Критики чистаго разума». Это завело-бы насъ слишкомъ далеко въ глубь исторіи предмета и въ область предположеній, быть можетъ, ужъ очень шаткихъ. Положимъ, мы хотимъ представить исторію какой-либо науки. Мы можемъ и должны сравнить одну съ другой теорію, возникшія въ этой наукѣ въ разные періоды времени. Мы можемъ и должны указать, въ чемъ заключаются измѣненія, которыя внесены тѣми или другими учеными послѣдующаго періода,—сравнительно съ

²⁷⁶⁾ M. Katzenberger «Wissenschaft vom logischen Denken». 1-er Th. «Die Grundfragen der Logik». Leipz. 1858 p. 35; *ibid.* p. 42; Fr. Fischer «Lehrbuch der Logik für academische Vorlesungen und Gymnasialvorträge». Stuttg. 1838 p. 10—12; Op. Новицкій «Руководство къ логикѣ». Кіевъ 1841 стр. 14—15 (примѣч.); Kuno Fischer «System der Logik und Metaphysik, oder Wissenschaftslehre». 2-te Aufl. Heid. 1865 p. 110—111; Heinr. Ritter «Abriss der philosophischen Logik». Brl. 1824 p. 10—11; Fr. Harms «Logik». Leipz. 1886 p. 2; «Die Reform der Logik». Brl. 1874 p. 121.

²⁷⁷⁾ Imm. Kant «Kritik der reinen Vernunft». 4-te Aufl. Riga 1794 p. 74—732. Cp. «Sämmtliche Werke», herausg. v. J. H. v. Kirchmann, 4-er Bd. (Hefte 20—21) «Logik». Brl. 1869 p. 17.

воззрѣніями, господствовавшими въ данной наукѣ въ періодъ, предшествующій. Мы можемъ и должны выяснить значеніе такихъ измѣненій, можемъ и должны опредѣлить, какая лѣстница, благодаря подобнымъ измѣненіямъ составляется, и показать, чѣмъ каждая ступень этой лѣстницы отличается отъ слѣдующей, высшей и предшествующей, низшей. Но говорить о томъ, какое вліяніе оказываетъ одинъ представитель извѣстной науки на другого, на какія мысли та или другая теорія могла и должна была различныхъ ученыхъ наталкивать, значило-бы строить предположенія въ высшей степени шаткія и притомъ такія, которыхъ никомъ образомъ не удастся доказать, если только не увеличатся весьма и весьма значительно соотвѣтствующія біографическія свѣдѣнія наши. Часто объявляютъ, что такой-то мыслитель оказалъ на такого-то большое вліяніе. Если мы хотимъ извлечь изъ такихъ разсужденій то, что въ нихъ есть, дѣйствительно, цѣннаго, мы должны переводить подобныя фразы слѣдующимъ образомъ: такой-то мыслитель на такого-то оказалъ большое вліяніе; это значить, что въ ученіи одного изъ нихъ и ученіи—другаго есть много общаго, а о какомъ-бы то ни было дѣйствительномъ *вліяніи* теоріи одного на складъ мыслей и міросозерцаніе другаго, о томъ, какъ изъ подобнаго вліянія у послѣдняго *психологически* вытекають извѣстныя идеи и взгляды,—предположенія объ этомъ мы разъ навсегда должны признать, хотя и весьма интересными, но настолько гадательными, что на нихъ едва-ли возможно останавливаться при серьезномъ обсужденіи того или другаго вопроса. Итакъ, мы утверждаемъ, что «трансцендентальная логика» Канта составлена не въ духѣ направленія метафизическаго. И этимъ утвержденіемъ мы и ограничиваемся. Въ догадки, будто «Кантъ далъ первый *импульсъ* къ тому, чтобы измѣнить дѣло» ²⁷⁸⁾, т. е. основать метафизическую логику, мы пускаться не будемъ.

Мы уже говорили, что только «всеобщая логика» (allgemeine Logik) была у Канта, дѣйствительно, «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», и что его «логика трансцендентальная» носитъ иной характеръ. Кантъ различаетъ «логику всеобщую» и—«частную» (allgemeine und besondere Logik) ²⁷⁹⁾. «Всеобщая логика» устана-

²⁷⁸⁾ M. Katzenberger «Wissenschaft vom logischen Denken». I-er³ Th. «Die Grundfragen der Logik». Leipz. 1858 p. 42.

²⁷⁹⁾ Imm. Kant «Kritik der reinen Vernunft». 4-te Aufl. Riga 1794 p. 76--77. Ср. «Sämmtliche Werke», herausg. v. J. H. v. Kirchmann, 4-er Bd. (Hefte 20—21) «Logik». Berl. 1869 p. 13—14.

вливаютъ законы, которые обязательны при всякаго рода работѣ мысли; «частная» — особые правила, которые необходимо соблюдать при разсмотрѣніи объектовъ, принадлежащихъ къ тому или другому частному разряду ²⁸⁰). «Всеобщая логика» и отличается у Канта, говоримъ мы, направлениемъ чисто формальнымъ, «формальнымъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова». За критерій нормальности и ненормальности формъ принята здѣсь послѣдовательность въ мысли, вѣрность себѣ, а не истинность, соотвѣтствіе между мыслью и ея объектомъ. Но «существуютъ воззрѣнія чистыя (т. е., выработанныя à priori, независимо отъ какого-бы то ни было опыта) и эмпирическія» (т. е., выработанныя подъ вліяніемъ опыта) ²⁸¹). Можно принять во вниманіе различіе между чистымъ (т. е., вполне апіорнымъ) и эмпирическимъ мышленіемъ. И вотъ, Кантъ называетъ логику «трансцендентальной», если таковая занята исключительно разсмотрѣніемъ чистаго мышленія ²⁸²). «Трансцендентальная логика» и есть «наука, которая опредѣляетъ происхождение, объемъ и объективное значеніе такихъ (т. е., чистыхъ, апіорныхъ) познаній» ²⁸³). Такимъ образомъ «логика трансцендентальная», — въ отличіе отъ «всеобщей», которая вырабатываетъ формы для мышленія вообще, для всякаго рода нормальной мысли, — трактуетъ исключительно о мышленіи апіорномъ. Это первый пунктъ раз-

²⁸⁰) Нельзя смѣшивать это дѣленіе съ другимъ. Кантъ дальше подраздѣляетъ «логику всеобщую» на — «чистую» и «прикладную» (reine und angewandte Logik). «Прикладная логика», — въ отличіе отъ «чистой», принимаетъ, вырабатывая свои правила, въ расчетъ разнаго рода психологические моменты, которые благопріятствуютъ правильному мышленію или тормозятъ таковое. «Логика чистая» этого не дѣлаетъ. См. «Kritik der reinen Vernunft». 4-te Aufl. Riga 1794 p. 77—78; «Sämmtliche Werke», herausg. v. J. H. v. Kirchmann, 4-er Bd. (Hefte 20—21) «Logik». Brl. 1869 p. 20.

²⁸¹) Imm. Kant «Kritik der reinen Vernunft». 4-te Aufl. Riga 1794 p. 79.

²⁸²) „Трансцендентальная логика“ не совпадаетъ у Канта съ — «частной». Когда онъ раздѣляетъ логику на «всеобщую» и «частную» онъ принимаетъ во вниманіе, разсматриваетъ-ли наша наука всякаго рода мысль, о какихъ-бы объектахъ у насъ ни шло дѣло, или — только мысль нашу, когда мы разсуждаемъ объ объектахъ, принадлежащихъ къ извѣстной опредѣленной группѣ. А проводя границу между «логикой всеобщей» и — «трансцендентальной», Кантъ имѣетъ въ виду не объекты, на которые наша мысль распространяется, а источникъ происхожденія нашихъ идей: «всеобщая логика» должна установить нормальныя формы для всякаго мышленія, откуда-бы послѣднее ни черпало свой матеріалъ, апіорно-ли оно или опытно; «логика трансцендентальная» обсуждаетъ только мышленіе апіорное.

²⁸³) Ibid. p. 81.

личія между «трансцендентальной» и «всеобщей логикой». «Логика трансцендентальная» обращает вниманіе на происхожденіе нашихъ познаній и обсуждаетъ только апріорное мышленіе. Далѣе. «Всеобщая логика» принимаетъ, какъ мы видѣли, за критерій нормальности и ненормальности формъ послѣдовательность въ мысляхъ, а вопроса, не уклоняемся-ли мы въ томъ или другомъ случаѣ отъ истины, не касается. «Логика трансцендентальная» опредѣляетъ «объективное значеніе апріорныхъ познаній». Здѣсь вопросъ объ истинности, о томъ, согласны-ли наши познанія съ «объективной, матерьяльной правдой», уже играетъ извѣстную роль ²⁸⁴). Критерій нормальности и ненормальности для формъ чело-вѣческой мысли тутъ иной, чѣмъ въ «логикѣ всеобщей». «Трансцендентальная логика» видитъ критерій этотъ въ томъ, согласна-ли наша мысль съ истиной или нѣтъ.

«Критика чистаго разума» имѣетъ цѣлью обсудить всѣ наши апріорныя познанія и найти пробный камень для опредѣленія достоинствъ таковыхъ познаній ²⁸⁵). И вотъ, Кантъ различаетъ

²⁸⁴) Ср. *ibid.* p. 79—82; *ibid.* p. 87—88; «*Sämmtliche Werke*», herausg. v. J. H. v. Kirchmann, 4-er Bd. (Hefte 20—21) «*Logik*». Berl. 1869 p. 17.

²⁸⁵) См. въ указанномъ (примѣч. 281) изданіи p. 26; ср. *ibid.* p. 27—29.—Кантъ, какъ извѣстно, различаетъ сужденія синтетическія и аналитическія. Въ сужденіи, утверждаетъ онъ, гдѣ мы мыслимъ извѣстное отношеніе между субъектомъ и предикатомъ (если трактовать только объ утвердительныхъ сужденіяхъ, ибо то, что говорятъ объ утвердительныхъ сужденіяхъ, легко уже приложить къ отрицательнымъ), отношеніе это можетъ быть двоякаго рода. Или предикатъ *B* принадлежитъ субъекту *A*, какъ нѣчто такое, что въ этомъ понятіи *A* (скрытымъ образомъ) содержится; или *B* лежитъ совершенно внѣ понятія *A*, хотя оно (т. е., *B*) и стоитъ съ нимъ (т. е., съ *A*) въ связи. Въ первомъ случаѣ я называю сужденіе аналитическимъ, во второмъ—синтетическимъ. Такимъ образомъ аналитическія (утвердительныя) сужденія суть тѣ, въ которыхъ связь предиката съ субъектомъ мыслится по силѣ извѣстнаго тождества (*durch Identität gedacht wird*); а тѣ, въ которыхъ эта связь мыслится не въ силу тождества (*ohne Identität*) должны называться сужденіями синтетическими» (*ibid.* p. 10—11). Только при синтетическихъ сужденіяхъ мы, дѣйствительно, познаемъ кое-что новое. А потому, такъ сказать, центръ тяжести долженъ падать, именно, на этотъ разрядъ сужденій (*ibid.* p. 11—13). «Аналитическія сужденія, правда, въ высшей степени важны и необходимы, но лишь для того, чтобы достигнуть той ясности въ понятіяхъ, которая (т. е., ясность) необходима для прочнаго и широкаго синтеза, какъ для, дѣйствительно, новаго приобрѣтенія» (т. е., приобрѣтенія познаній, *ibid.* p. 13—14). И ниже Кантъ объявляетъ, что «истинная задача (*die eigentliche Aufgabe*) чистаго разума (гдѣ всегда идетъ дѣло о сужденіяхъ *à priori*) заключается въ вопросѣ: какимъ образомъ возможны синтетическія сужденія *à priori*?» (*ibid.* p. 19). Итакъ, Кантъ утверждаетъ здѣсь, что «Критика чистаго разума» должна опре-

«Elementarlehre» и «методологію чистаго разума» — «Methodenlehre der reinen Vernunft» ²⁸⁶). Но есть два источника (Stämme) челоѣческаго знанія: чувственность и разумокъ. Отсюда «Elementarlehre» распадается въ «Критикѣ чистаго разума» на двѣ части: «трансцендентальную эстетику», которая трактуетъ объ апіорномъ элементѣ въ чувственномъ воспріятіи и представленіи, и «трансцендентальную логику», которую Кантъ посвящаетъ анализу и оцѣнѣ апіорныхъ формъ разсудка и разума ²⁸⁷). Такимъ образомъ «трансцендентальная логика» разсуждаетъ у Канта объ апіорномъ мышленіи. Она формальна, ибо посвящена разсмотрѣнію *формъ* апіорной мысли, а не ея содержанія. Но она не «формальна, въ тѣсномъ смыслѣ», ибо принимаетъ за критерій нормальности и ненормальности не послѣдовательность въ мысли, а истинность или не-истинность ея.

Впрочемъ мы должны нѣсколько пояснить наши слова.

Прежде всего можно подуматъ, будто «трансцендентальная логика» занята вовсе не разсмотрѣніемъ *формъ* апіорной мысли, а обсужденіемъ ея *содержанія*. Въдѣ, такъ называемая «трансцендентальная аналитика», которая составляетъ первый отдѣлъ (erste Abtheilung) Кантовской «трансцендентальной логики» ²⁸⁸), отыскиваетъ «чистыя понятія разсудка» (reine Verstandesbegriffe), и во второмъ отдѣлѣ «трансцендентальной логики», — въ «трансцендентальной діалектикѣ» ²⁸⁹), Кантъ обсуждаетъ «трансцендентальныя идеи разума». Но подобный взглядъ былъ-бы ошибочнымъ. «Чистыя понятія разсудка» Кантъ называетъ категоріями. Посмотримъ, дѣйствительно-ли онъ, когда говоритъ о категоріяхъ, имѣетъ въ виду содержаніе апіорной мысли, а не—ея формы только. Въ «трансцендентальной эстетикѣ» Кантъ анализируетъ

дѣлать условія возможности синтетическихъ сужденій à priori. Это не противорѣчитъ вышеприведенному опредѣленію задачъ «Критики чистаго разума». То-же самое Кантъ тутъ только выражаетъ въ болѣе частныхъ терминахъ. Тамъ онъ высказывается вообще, — что «Критика чистаго разума» имѣетъ цѣлью обсудить всѣ наши апіорныя познанія и найти пробный камень для опредѣленія ихъ достоинствъ. Здѣсь, указавъ на то, что форма синтетическаго сужденія имѣетъ значеніе наибольшее, Кантъ говоритъ частіе: «Критика чистаго разума» посвящаетъ себя разсмотрѣнію условій возможности синтетическихъ сужденій à priori.

²⁸⁶) Ibid. p. 29.

²⁸⁷) Ibid. p. 29—30.

²⁸⁸) Ibid. p. 89—349.

²⁸⁹) Ibid. p. 349—732.

априорный элементъ въ чувственномъ воспріятіи и приходитъ къ заключенію, что воспріятія наши вливаются въ извѣстныя априорныя формы. Такими формами оказываются у него пространство и время ²⁹⁰). Но чувственность, сама по себѣ, по Канту, еще не можетъ доставить намъ знанія. Матерьялъ, который доставляютъ намъ чувства, долженъ быть переработанъ для того, чтобы, дѣйствительно, получилось знаніе. А перерабатываетъ разсудокъ доставляемый ему матерьялъ въ сужденіяхъ. Эти-же послѣднія состоятъ по априорнымъ чистымъ понятіямъ или категоріямъ. Разсудокъ подводитъ всѣ представленія подъ понятія и дѣлаетъ это, руководствуясь своими априорными чистыми понятіями—категоріями ²⁹¹). Категоріи суть нѣчто такое, чѣмъ напередъ опредѣляется дѣятельность нашего разсудка при составленіи сужденій, суть напередъ à priori челоуѣческому разсудку данныя формы. Такимъ образомъ категоріи представляютъ у Канта нѣкотораго рода *формы* мысли, а потому онъ, не измѣняя формальнаго характера своей «трансцендентальной логики», могъ здѣсь на нихъ остановиться. Но эти формы оказываются опредѣленными понятіями. Понятіе всегда предполагаетъ извѣстное содержаніе. Категоріи—формы мысли, но онѣ заключаютъ въ себѣ и какое-то содержаніе. Однако содержаніемъ понятій является здѣсь, по Канту, «только форма, подъ которой мы всегда мыслимъ объектъ» ²⁹²). Скажемъ точнѣе. Категоріи—такія априорныя понятія, которыми опредѣляются извѣстныя формы мысли. А потому отыскать ихъ для «трансцендентальной логики», какъ науки о формахъ априорной мысли, и важно. Но, трактуя о категоріяхъ, «трансцендентальная логика» останавливается на опредѣленіи понятій и, слѣдовательно,—казалось-бы,—въ этомъ случаѣ на содержаніи нашей мысли, а не на ея формахъ только. Однако Кантъ объявляетъ, что это—понятія о самыхъ формахъ мысли, что содержаніемъ (мы употребляемъ тутъ слово «содержаніе» въ обыкновенномъ смыслѣ, а не какъ логическій терминъ) понятій здѣсь и является, именно, форма мысли, такъ что, разсматривая содержаніе этихъ понятій, мы говоримъ, собственно, о формахъ нашей мысли. Что-же касается того, что Кантъ обсуждаетъ идеи чистаго разума, то онъ это дѣлаетъ не въ «трансцендентальной анали-

²⁹⁰) Ibid. p. 27—73.

²⁹¹) Ibid. p. 89—169.

²⁹²) Ibid. p. 74—75.

тикѣ», а—въ «діалектикѣ». Уже это одно—обстоятельство, въ высшей степени важное, и достаточно упомянуть объ этомъ, чтобы показать, что формальный характеръ «трансцендентальной логики» разсужденіями Канта объ идеяхъ разума не нарушается. Мы иногда злоупотребляемъ нашими способностями, пользуемся ими неправильно. При такихъ операціяхъ мысли мы приходимъ къ положеніямъ, которыя, на самомъ дѣлѣ, ложны, но все-же кажутся истинными. Вторая часть логики, которую Кантъ, въ отличіе отъ аналитики,—первой части, называетъ діалектикой, и должна быть посвящена ²⁹³⁾ критическому разсмотрѣнію подобныхъ неправильныхъ операцій мысли, критикѣ «кажущейся истинности» ²⁹⁴⁾. «Трансцендентальная діалектика» говоритъ о неправильныхъ операціяхъ чистаго апіорнаго мышленія и возникающей отсюда «кажущейся истинности» (*dialektischer, transcendentaler Schein*) разнаго рода идей и положеній ²⁹⁵⁾. Понятно такимъ образомъ, что діалектика,—въ отличіе отъ аналитики, можетъ касаться содержанія нашей мысли, и это не противорѣчить формальному характеру логики вообще: діалектика представляетъ, строго говоря, лишь приложеніе логики, а не тотъ или другой *отдѣлъ самой логики*. Итакъ, «трансцендентальная логика» носить у Канта формальный характеръ: здѣсь обсуждаются формы мысли, а не ея содержаніе ²⁹⁶⁾.

Мы говоримъ, что «логика трансцендентальная»,—въ отличіе отъ «всеобщей», принимаетъ у Канта за критерій нормальности и ненормальности формъ нашей мысли ея истинность. Между тѣмъ

²⁹³⁾ Ср. выше.

²⁹⁴⁾ Ibid. p. 82—86; «Sämmtliche Werke», herausg. v. J. H. v. Kirchmann, 4-er Bd. (Hefte 20—21) «Logik», Brl. 1869 p. 18—19.

²⁹⁵⁾ Imm. Kant «Kritik der reinen Vernunft». 4-te Aufl. Riga 1794 p. 87—88.

²⁹⁶⁾ Въ томъ мѣстѣ своего сочиненія («Wissenschaft vom logischen Denken». I-er Th. «Die Grundfragen der Logik». Leipz. 1858 p. 42), на которое мы уже указывали (примѣч. 278-е), M. Katzenberger говоритъ, будто первый импульсъ къ тому, чтобы выработать метафизическую логику, подавъ Кантъ своей «трансцендентальной логикой», и ссылается при этомъ на Гегеля. Но у послѣдняго читаемъ: «Критическая философія, правда, обратила метафизику въ логику (метафизику въ логику, а не логику въ метафизику), но... изъ боязни предъ объектомъ она придала опредѣленіямъ логики (*den logischen Bestimmungen*) въ сущности субъективное (*eine wesentlich subjective Bedeutung*) значеніе» (G. W. Fr. Hegel «Werke». Bde III—IV. Brl. 1833—1834. «Wissenschaft der Logik. I Th. Die objective Logik». I Bd. p. 37). Правда, ниже Гегель утверждаетъ:

«основатель критической философіи» приходитъ въ концѣ концовъ къ заключенію, будто разсудокъ человѣка вноситъ изъ себя во внѣшній міръ извѣстный порядокъ, будто апіорная мысль представляетъ что-то субъективное, что мы, такъ сказать, навязываемъ внѣшнему міру, будто «объективное значеніе» категорій заключается только въ томъ, что онѣ дѣлаютъ возможнымъ опытъ, — если можно такъ выразиться, субъективный опытъ, а не познаніе вещей, каковы онѣ въ дѣйствительности, будто такимъ образомъ апіорная мысль ²⁹⁷⁾ никогда не можетъ быть согласной съ дѣйствительностью, съ объективной истиной ²⁹⁸⁾ и критерій истинности здѣсь, строго говоря, совсѣмъ не приложимъ. Но пусть, мы принимаемъ за критерій нормальности и ненормальности для формъ человѣческой мысли извѣстную особенность или группу особенностей *М*, и потомъ оказывается, что *М* не встрѣчается нигдѣ, что нормальныхъ формъ наша мысль не имѣетъ вовсе. Неужели это значить, что мы пользовались не критеріемъ *М*, а какимъ-то другимъ? Кантъ въ своей «трансцендентальной логикѣ» принимаетъ за критерій нормальности формъ мысли нашей ея истинность. Потомъ онъ приходитъ къ заключенію, что истинной мысли, собственно, нѣтъ, что мысль нормальная, въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ этотъ терминъ рѣшается понимать, невозможна. Это обстоятельство не должно наталкивать насъ на предположеніе, будто Кантъ придерживается въ «трансцендентальной логикѣ» какого-то иного критерія, а не критерія истинности.

«Кантъ.... противопоставилъ тому, что обыкновенно называютъ логикой, еще одну (т. е., логику), именно, логику трансцендентальную. То, что мы здѣсь назвали объективной логикой, отчасти соответствовало-бы тому, что у него представляетъ трансцендентальная логика» (ibid. p. 52). Но въ слѣдъ за тѣмъ Гегель опять возстаетъ противъ, если такъ можно выразиться, субъективизма Кантовской логики (ibid. p. 52--54). Такимъ образомъ сходство между своей «объективной» и Кантовской «трансцендентальной логикой» онъ видитъ въ чемъ-то иномъ, а не въ метафизическомъ направленіи, какъ послѣднее обыкновенно опредѣляютъ.

²⁹⁷⁾ Мы говоримъ «апіорная мысль» не съ цѣлью выставить на видъ, будто, по мнѣнію Канта, мысль, опирающаяся на опытъ, — въ отличіе отъ апіорной, можетъ быть объективно истинной. Кантъ далекъ отъ такого взгляда. Онъ вообще придаетъ несравненно большее значеніе мысли апіорной, чѣмъ такой, которая основана на опытѣ. Но въ «трансцендентальной логикѣ», о которой у насъ теперь идетъ рѣчь, Кантъ всюду разсматриваетъ только мысль апіорную, а о мысли, имѣющей источникомъ и опорой своей опытъ, не говоритъ.

²⁹⁸⁾ Imm. Kant «Kritik der reinen Vernunft». 4-te Aufl. Riga 1794 p. 116—169.

Повторяемъ, «трансцендентальная логика» Канта занята разсмотрѣніемъ формъ нормальной мысли и видитъ критерій нормальности и ненормальности въ томъ, согласна-ли мысль наша съ истиной или нѣтъ. «Трансцендентальная логика» — логика «формальная, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова». Только «логика трансцендентальная» ограничивается анализомъ апіорной мысли. Это — логика «формальная, въ болѣе широкомъ смыслѣ», но — логика, имѣющая въ виду исключительно мышленіе апіорное.

Таковъ общій характеръ «трансцендентальной логики». Ни о какомъ отождествленіи законовъ нашей науки съ принципами метафизики здѣсь нѣтъ и рѣчи. Метафизическаго значенія законамъ логики Кантъ не придаетъ. Возможно, конечно, разсуждать о томъ, что Кантовская «трансцендентальная логика» разрушаетъ различныя метафизическія системы, что въ этомъ заключается ея метафизическое значеніе. Но, если въ такомъ смыслѣ говорить о метафизическомъ значеніи «трансцендентальной логики», то можно съ одинаковымъ правомъ трактовать и о естественнонаучномъ, на примѣръ, или математическомъ значеніи логики вообще. Мы говоримъ, что логика интересующаго насъ направленія признаетъ логическіе принципы за метафизическіе, и затѣмъ прибавляемъ: «или, по крайней мѣрѣ, придаетъ законамъ логики метафизическое значеніе». Этимъ мы хотимъ сказать, что у представителей такого направленія логическіе законы — просто ничто иное, какъ принципы метафизики, — или, оставаясь все-же законами логическими, имѣютъ кромѣ того метафизическій смыслъ, могутъ кромѣ того быть истолкованы, какъ принципы метафизическаго характера. Вообще логика, правильно разработанная, можетъ имѣть значеніе для метафизики такъ-же, какъ и для всякой науки. Но *смыслъ* метафизическій имѣютъ логическіе принципы только въ логикѣ метафизическаго направленія. И этого послѣдняго направленія Кантъ чуждъ. Его «трансцендентальную логику» нельзя назвать метафизической.

Ј. G. Fichte (Фихте Старшій) ²⁹⁹⁾ становится въ метафизикѣ на почву, если можно такъ выразиться, субъективнаго идеализма. Основнымъ міровымъ принципомъ у него является, такъ сказать, метафизическое наше «я». Метафизика у него есть наука объ «я». Между тѣмъ логика занята разсмотрѣніемъ формъ мысли. Формы эти принадлежатъ мыслящему духу, нашему познающему «я». Ло-

²⁹⁹⁾ Ј. G. Fichte, какъ извѣстно, логики спеціально не разрабатываетъ.

гика также — наука обь «я». Таким образом воззрѣнія J. G. Fichte въ метафизикѣ, быть можетъ, обусловливаютъ у него нѣсколько большую, чѣмъ какъ это обыкновенно бываетъ, близость между этимъ послѣднимъ отдѣломъ философіи и логикой. И, дѣйствительно, во взглядѣ J. G. Fichte на вопросы нашей науки можно указать точку зрѣнія развившагося послѣ въ большей степени метафизическаго направленія. Въ сочиненіи: «Grundlage der gesammten Wissenschaftslehre» (Leipz. 1794), J. G. Fichte рѣшается отыскать «наиболѣе абсолютный (den absolutesten Grundsatz), вполне безусловный (schlechthin unbedingten) принципъ для всего человѣческаго знанія» ³⁰⁰). За таковой принципъ онъ объявляетъ положеніе: «я есмь я», или просто: «я есмь» ³⁰¹). И вотъ, онъ продолжаетъ: «Если въ положеніи «я есмь» отвлечься отъ содержанія, отъ «я», и оставить только форму, которая вмѣстѣ съ этимъ содержаніемъ намъ дана.... то получимъ, какъ основной принципъ логики, положеніе: $A=A$ » ³⁰²). Второй принципъ человѣческаго знанія «по содержанію своему оказывается обусловленнымъ» и вытекаетъ изъ перваго. Изъ этого втораго принципа, говоритъ J. G. Fichte, «мы путемъ такого-же отвлеченія получаемъ логическій принципъ: — $A \neq A$, который я называлъ-бы принципомъ противопоставленія» (Satz des Gegensatzens) ³⁰³). (Второй принципъ наукословія J. G. Fichte формулируетъ ³⁰⁴) такъ: «я» не есть «не-я»; нашему «я» противопоставляется «не-я»). Наконецъ, третій принципъ знанія вообще, — принципъ, который «является принципомъ обусловленнымъ по своей формѣ» и также вытекаетъ изъ высшаго, гласитъ: «Я противопоставляю въ «я» дѣлимому «я» дѣлимое «не-я» ³⁰⁵). Если мы здѣсь сдѣлаемъ такое-же отвлеченіе, то «получимъ логическій принципъ, который до сихъ поръ называли принципомъ достаточнаго основанія (des Grundes): A частью = — A и наоборотъ» ³⁰⁶). Эти логическіе принципы, по мнѣнію нашего философа, выводятся, а также доказываются изъ соответствующихъ имъ принциповъ «матеріальныхъ»

³⁰⁰) См. р. 3.

³⁰¹) Ibid. р. 5—13.

³⁰²) Ibid. р. 13—14.

³⁰³) Ibid. р. 22—23.

³⁰⁴) Ibid. р. 21.

³⁰⁵) Ibid. р. 30.

³⁰⁶) Ibid. р. 31.

(materiale Grundsätze)³⁰⁷⁾ и опредѣляются этими послѣдними³⁰⁸⁾, — опредѣляются, т. е. ограничиваются по содержанію своему, ибо логическіе принципы остаются въ силѣ только до тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ о предметахъ, входящихъ въ составъ абсолютнаго «я»³⁰⁹⁾. И послѣ этихъ разсужденій объ основныхъ принципахъ мы у J. G. Fichte читаемъ: «Мы выставили теперь три основныхъ *логическихъ* принципа: принципъ тождества, который обосновываетъ остальные, и затѣмъ два опирающихся на него принципа, — принципъ противопоставленія и принципъ достаточнаго основанія»³¹⁰⁾. Уже то обстоятельство, что J. G. Fichte логическіе принципы доказываетъ изъ «матерьяльныхъ» или — мы сказали-бы лучше — метафизическихъ, могло-бы наводить на мысль о метафизическомъ направленіи у этого мыслителя. Но какимъ образомъ выводитъ J. G. Fichte свои принципы логическіе? Онъ утверждаетъ, что для этого нужно отбросить въ каждомъ соотвѣтствующемъ метафизическомъ принципѣ его содержаніе и оставить форму, которая вмѣстѣ съ содержаніемъ здѣсь дана. Метафизическіе принципы *mutatis mutandis* обращаются въ логическіе. Мы не находимъ у нашего философа метафизической логики крайняго направленія: онъ не объявляетъ логическіе законы прямо за метафизическіе, онъ не говоритъ, будто принципы логики имѣютъ кромѣ того метафизическій смыслъ. Но у него законы логики все-же оказываются параллельными принципамъ метафизики. *Mutatis mutandis* мы изъ этихъ послѣднихъ получаемъ законы логическіе³¹¹⁾.

Совершенно въ томъ-же духѣ³¹²⁾ Fr. W. J. Schelling³¹³⁾ говорить, будто логику можно разрабатывать научнымъ образомъ, только прилагая постоянно по отношенію къ высшимъ основнымъ

³⁰⁷⁾ Это послѣднее выраженіе — «принципы матерьяльные» (materiale Grundsätze) мы встрѣчаемъ тамъ-же на стр. 31-й.

³⁰⁸⁾ Ibid. p. 14; ibid. p. 31—34.

³⁰⁹⁾ Ibid. p. 14; ibid. p. 33—34.

³¹⁰⁾ Ibid. p. 49.

³¹¹⁾ Что касается логики формальной вообще, то J. G. Fichte сначала хотѣлъ оставить ее рядомъ съ метафизической, а послѣдствіемъ окончательно отвергъ ее. См. Fr. Ueberweg «System der Logik und Geschichte der logischen Lehren» 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 54; M. Katzenberger «Wissenschaft vom logischen Denken». I-er Th. «Die Grundfragen der Logik». Leipz. 1858 p. 42—43.

³¹²⁾ Cp. Fr. Ueberweg «System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 54—55.

³¹³⁾ Fr. W. J. Schelling логики, какъ извѣстно, специально не разрабатываетъ.

принципамъ знанія вообще,—мы сказали-бы—«матерьяльнымъ», метафизическимъ принципамъ приемъ абстракціи или отвлеченія ³¹⁴).—А. Troxler ³¹⁵), котораго обыкновенно считают принадлежащимъ къ школѣ Fr. W. J. Schelling'a ³¹⁶) прямо объявляетъ, что логика должна быть метафизикой и метафизика логикой ³¹⁷).—Упомянемъ здѣсь также о J. Fr. Fries'ѣ ³¹⁸), логическое ученіе котораго впрочемъ обыкновенно сопоставляютъ съ Кантовскимъ ³¹⁹). J. Fr. Fries начинаетъ съ «антропологической логики». Эта послѣдняя посвящена у него «законамъ, по которымъ нашъ человѣческій разумъ мыслитъ» ³²⁰). Но далѣе у него слѣдуетъ логика «философская или демонстративная», гдѣ излагаются «необходимыя правила мыслимости (der Denkbarkeit) вещей,—необходимыя правила, которымъ подчиняется *сущность* вещей вообще, поскольку таковая мыслима» ³²¹). «У насъ здѣсь... идетъ дѣло о всеобщихъ и необходимыхъ законахъ для сущности вещей вообще» ³²²).

³¹⁴) Fr. W. J. Schelling «System des transcendentalen Idealismus». Tüb. 1800 p. 34—38.—Что-же касается формальной логики вообще, то Fr. W. J. Schelling объявляетъ, что это—знаніе (Scienz), противоположное философіи («Sämmtliche Werke». I Abth. V-er Bd. Stuttg. u. Augsb. 1859. «Vorlesungen über die Methode des akademischen Studiums» p. 269. Cp. Fr. Ueberweg «System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 54—55; M. Katzenberger «Wissenschaft vom logischen Denken». I-er Th. «Die Grundfragen der Logik». Leipz. 1858 p. 44).

³¹⁵) A. Troxler «Logik. Die Wissenschaft des Denkens und Kritik aller Erkenntniss». Th. I—II. Stuttg. u. Tüb. 1829.

³¹⁶) У Fr. Ueberweg'a тамъ-же (см. примѣч. 314-e) p. 55; L. Rabus «Logik und Metaphysik». Th. I. «Erkenntnisslehre, Geschichte der Logik, System der Logik». Erl. 1868 p. 16.

³¹⁷) Ibid. (см. примѣч. 315-e) p. 30. Cp. ibid. p. 5—8; ibid. p. 11—14; ibid. p. 21—30.—Съ Гегелемъ нашъ авторъ нѣсколько полемизируетъ (ibid. p. 5—11; ibid. p. 22—30). Но дѣло идетъ при этомъ не о крайне метафизическомъ направленіи въ логику, приверженцами котораго одинаково являются, какъ Гегель, такъ и А. Troxler, а о томъ, какъ—частіе—построить логику въ этомъ направленіи.

³¹⁸) J. Fr. Fries «System der Logik». 2-te Aufl. Heid. 1819.

³¹⁹) Fr. Ueberweg «System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 51—53; M. Katzenberger «Wissenschaft vom logischen Denken». I-er Th. «Die Grundfragen der Logik». Leipz. 1858 p. 36; J. Delboeuf «Essai de logique scientifique». Liège 1865 p. 28 (примѣч.).

³²⁰) J. Fr. Fries «System der Logik». 2-te Aufl. Heid. 1819. «Grundriss der Logik» p. 3.

³²¹) Ibid. «Grundriss der Logik» p. 3.

³²²) Ibid. «System der Logik» p. 6.

«Философскія» или—лучше—метафизическія «формулы сводятся, добавляетъ впрочемъ нашъ авторъ, только къ тремъ: каждая вещь есть то, что она есть,—принципъ тождества; ни одна вещь не есть то, что она не есть,—принципъ противорѣчія; къ каждой вещи каждое понятіе подходитъ или въ утвердительномъ, или въ отрицательномъ смыслѣ,—принципъ исключеннаго третьяго» ³²³). Едва-ли нужно говорить, что такимъ образомъ и J. Fr. Fries стоитъ въ логикѣ на почвѣ направленія метафизическаго ³²⁴).

Но наиболѣе ревностнымъ приверженцемъ разбираемаго направленія является Гегель ³²⁵). Въ чистомъ знаніи, въ чистой наукѣ, говоритъ онъ, субъектъ и объектъ вполне объединяются, и всякая противоположность между ними исчезаетъ. А логика, именно, представляетъ науку о чистомъ мышленіи. Она имѣетъ «принципомъ своимъ чистое знаніе», и въ ней всякая противоположность между субъектомъ и объектомъ падаетъ, бытіе становится понятіемъ, а понятіе—бытіемъ. Логика и раздѣляется на двѣ части: на «логику объективную», которая разсматриваетъ бытіе, а также сущность, и—«субъективную логику», «логику понятія... приче́мъ однако различію между субъективнымъ и объективнымъ не придается особаго значенія» ³²⁶). И вотъ, разсужденія у Гегеля въ его «объективной логикѣ» идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: «Пер-

³²³) Ibid. «System der Logik» p. 192. Ср. ibid. p. 191.—Принципу достаточнаго основанія J. Fr. Fries подобнаго значенія не придаетъ (ibid. p. 191—192).

³²⁴) Ср. ibid. p. 3—6; ibid. p. 182—183; ibid. p. 185—186; ibid. p. 191—192.—Мы видѣли выше, что и Аристотель говоритъ иногда о законахъ противорѣчія и исключеннаго третьяго, какъ о принципахъ метафизическихъ. Но у него разсужденія о логическихъ законахъ этихъ и о похожихъ на таковыя принципахъ метафизики только встрѣчаются рядомъ. А J. Fr. Fries прямо объявляетъ метафизическіе или, какъ онъ выражается, «философскіе» принципы тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго за основные принципы логики (по крайней мѣрѣ, «логики философской или демонстративной», на которую у него, такъ сказать, падаетъ центръ тяжести).

³²⁵) G. W. Fr. Hegel. «Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse». Heid. 1817. «Die Wissenschaft der Logik»; «Werke». XVIII Bd. Brl. 1840. «Philosophische Propädeutik»; ibid. Bde. III—IV. Brl. 1833—1834. «Wissenschaft der Logik. I Th. Die objective Logik»; ibid. Bd. V. Brl. 1834. «Wissenschaft der Logik. II Th. Die subjective Logik, oder die Lehre vom Begriff».

³²⁶) G. W. Fr. Hegel «Werke». Bde III—IV. Brl. 1833—1834. «Wissenschaft der Logik. I Th. Die objective Logik». Bd. III p. 26—56; ibid. Bd. XVIII. «Philosophische Propädeutik» p. 91—95; Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Heid. 1817. «Die Wissenschaft der Logik» p. 15—32.

вая книга: учение о бытіи. Съ чего нужно начать въ наукѣ? Общее раздѣленіе бытія. Первый отдѣлъ: качество. Первая глава: бытіе. А. Бытіе. В. Ничто (Nichts). С. Бываніе (Werden). 1. Единство между бытіемъ и «ничто»... Очевидно, по крайней мѣрѣ, въ «объективной логикѣ» наша наука прямо обращается у Гегеля въ метафизику. Мѣсто принциповъ логическихъ заступаютъ здѣсь — метафизическіе ³²⁷⁾.

Къ логической школѣ Гегеля принадлежитъ, какъ это обыкновенно утверждаютъ ³²⁸⁾, Куно Фишеръ ³²⁹⁾. Часто приходится слышать, читаемъ мы у послѣдняго, о какомъ-то антагонизмѣ между философіей и естественными науками. Но антагонизмъ этотъ вытекаетъ изъ неправильнаго пониманія дѣла. Естественныя науки заняты изученіемъ фактовъ. Между тѣмъ каждая наука представляетъ въ свою очередь извѣстнаго рода фактъ. Философія и есть наука о фактахъ этого послѣдняго порядка. Итакъ, философія

³²⁷⁾ Ср. Fr. Harms «Die Philosophie in ihrer Geschichte. II Th. Geschichte der Logik». Brl. 1881 p. 228—231; «Logik». Leipz. 1886 p. 1—2; Fr. Ueberweg «System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 56—61; L. Rabus «Die neuesten Bestrebungen auf dem Gebiete der Logik bei den Deutschen und die logische Frage». Erl. 1880 p. 10—12; M. Katzenberger «Wissenschaft vom logischen Denken». I-er Th. «Die Grundfragen der Logik». Leipz. 1858 p. 33—42; *ibid.* p. 45—47; J. Delboeuf «Essai de logique scientifique». Liège 1865 p. 5—7; *ibid.* p. 29—30; Fr. A. Hartzen «Grundzüge der Logik». Brl. 1873 p. 16—18; G. Hagemann «Elemente der Philosophie. I. Logik und Noetik». 5-te Aufl. Freib. i. Br. 1887 p. 12; K. A. v. Reichlin-Meldegg «System der Logik nebst Einleitung in die Philosophie». Wien 1870. II-te Abth. «System der Logik». p. 14—15; Kuno Fischer «System der Logik und Metaphysik, oder Wissenschaftslehre». 2-te Aufl. Heid. 1865 p. 131—135.

³²⁸⁾ Fr. Ueberweg «System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 61; M. Katzenberger «Wissenschaft vom logischen Denken». I-er Th. «Die Grundfragen der Logik». Leipz. 1858 p. 46; J. Delboeuf «Essai de logique scientifique». Liège 1865 p. 29 (примѣч.); K. A. v. Reichlin-Meldegg «System der Logik nebst Einleitung in die Philosophie». Wien 1870. II-te Abth. «System der Logik» p. 15.

³²⁹⁾ Kuno Fischer «System der Logik und Metaphysik, oder Wissenschaftslehre». 2-te Aufl. Heid. 1865.—Второе изданіе этого сочиненія значительно отличается отъ перваго («Logik und Metaphysik, oder Wissenschaftslehre». Stuttg. 1852). М. Katzenberger въ указанномъ мѣстѣ ссылается на первое изданіе (J. Delboeuf только приводитъ мнѣніе М. Katzenberger'a). Мы въ нашемъ изложеніи имѣемъ въ виду второе изданіе. Но и въ первомъ Куно Фишеръ стоитъ вполне на почвѣ направленія метафизическаго (ср. въ первомъ изд. p. 3—8; *ibid.* p. 35—50 и дальше).

имѣетъ объектомъ своимъ науки вообще. Это—наука о наукахъ вообще, «наукословіе» (Wissenschaftslehre), наука о познаніи ³³⁰). А познаемъ мы посредствомъ понятій, сужденій и умозаключеній. Но въ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ дѣло идетъ только объ анализѣ понятій. Такимъ образомъ можно сказать, что мы познаемъ вообще всегда въ понятіяхъ. Наука о познаніи, «наукословіе» есть наука о понятіяхъ ³³¹). Далѣе. Понятіе, состоитъ изъ признаковъ, которые въ немъ оказываются объединенными посредствомъ синтеза. «И... каждое возникшее изъ представленій понятіе (vorstellende Begriff) предполагаетъ и обусловливаетъ собой подобное синтетическое связываніе разнообразнаго матерьяла. Слѣдовательно, такой синтезъ не можетъ оказаться ни представленіемъ, ни эмпирическимъ понятіемъ, ибо эти послѣднія понятія, только благодаря ему, становятся возможными... Подобный синтезъ—не эмпирическое, а чистое понятіе» ³³²). Безъ этихъ чистыхъ понятій невозможно составить понятія эмпирическія, невозможна мысль, невозможно познание ³³³). «Это—наиболѣе общіе... предикаты. Какъ таковые, они носятъ названіе категорій. Отъ этихъ понятій зависитъ мыслимое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все сущее, поскольку таковое мыслимо. Какъ основныя понятія о бытіи (мыслимомъ), они называются принципами» ³³⁴). Категоріи—основныя понятія, которыми мы необходимо пользуемся при познаніи (Grundbegriffe der Erkenntniss, Erkenntnissbegriffe). И вотъ, науку о чистыхъ понятіяхъ, или категоріяхъ, «какъ науку о понятіяхъ, которыми мы необходимо пользуемся при мышленіи (Denkbegriffe: таковъ здѣсь смыслъ этого слова у Куно Фишера), мы называемъ ученіемъ о мышленіи (Denklehre) или логикой, въ наиболѣе широкомъ смыслѣ слова, какъ науку о принципахъ (Grundbegriffe, Principien),—метафизикой... какъ науку о понятіяхъ, которыми мы необходимо пользуемся при познаніи,—наукословіемъ. Это—три названія для одного и того-же предмета... Логика... должна въ то-же время быть метафизикой и наукословіемъ» ³³⁵). Логика требуетъ, чтобы было признано тождество между мышленіемъ и бытіемъ ³³⁶). Такова точка

³³⁰) Ibid. (второе изданіе) p. 3—5.

³³¹) Ibid. p. 5—6.

³³²) Ibid. p. 7.

³³³) Ibid. p. 7.

³³⁴) Ibid. p. 8.

³³⁵) Ibid. p. 8.

³³⁶) Ibid. p. 183.

зрѣнія Куно Фишера въ нашей наукѣ ³³⁷). И дальше нашъ авторъ разсуждаетъ о бытіи, качествѣ, количествѣ и т. д. Такимъ образомъ Куно Фишеръ только иначе обосновываетъ свой взглядъ, но и у него такъ-же, какъ и у Гегеля, логика или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ отдѣловъ ея представляетъ нѣчто такое, что обыкновенно прямо включаютъ въ метафизику.

Направленія метафизическаго придерживается Fr. Schleiermacher ³³⁸). Только онъ оказывается несравненно болѣе умѣреннымъ, чѣмъ Гегель. Fr. Schleiermacher стремится разработать не логику, а діалектику. Этимъ именемъ онъ обозначаетъ ученіе объ искусствѣ вести философскія размышленія. Это—не наука о формахъ вообще для нормальной мысли, а ученіе объ искусствѣ мыслить. Притомъ діалектика, въ отличіе отъ логики, имѣетъ въ виду не всякія размышленія, а только—философскія ³³⁹). Но и по «Діалектикѣ» можно до нѣкоторой степени судить о логическихъ взглядахъ Fr. Schleiermacher'a. Логика, утверждаетъ онъ здѣсь, безъ метафизики не—наука ³⁴⁰). И дальше онъ объявляетъ, что формѣ понятія соответствуетъ въ «бытіи» (im Sein), въ объективномъ мірѣ субстанціальная сила, а формѣ сужденія—дѣятельность субстанціальнаго ³⁴¹). Такимъ образомъ Гегель и Куно Фишеръ законы логики прямо отождествляютъ съ принципами метафизическими; у Fr. Schleiermacher'a-же логическія формы метафизическимъ только соответствуютъ, только параллельны. Mutatis mutandis формы логическія обращаются тутъ въ метафизическія и наоборотъ.

Впрочемъ, прежде чѣмъ перейти къ другимъ представителямъ интересующаго насъ направленія, мы должны здѣсь сдѣлать одно замѣчаніе. Ученіе Fr. Schleiermacher'a можно сопоставить со средневѣковымъ реализмомъ,—если, конечно, эту послѣднюю доктрину разсматривать, только какъ логическую теорію. Fr. Schleiermacher думаетъ, что логической формѣ понятія соответствуетъ въ «бытіи» субстанція или субстанціальная сила. Реалисты въ средніе вѣка утверждаютъ, будто общимъ понятіямъ соответствуютъ особыя метафизическія сущности. Казалось-бы, слѣдуетъ

³³⁷) Ср. *ibid.* p. 3—16; *ibid.* p. 183—212 и дальше самое изложеніе логики.

³³⁸) Fr. Schleiermacher «Literarischer Nachlass. Zur Philosophie. II. en Bdes 2-te Abth. Dialektik». Brl. 1839.

³³⁹) *Ibid.* p. 2; *ibid.* p. 19 (примѣч.); *ibid.* p. 22—23.

³⁴⁰) *Ibid.* p. 7.

³⁴¹) *Ibid.* p. 102—146.

избрать одно из двух: или сказать, что, как средневековые реалисты, так и Fr. Schleiermacher, трактуя о каком-то параллелизмѣ между логическими формами и метафизическими, являются приверженцами метафизическаго направленія въ логикѣ, или-же признать, что метафизическаго направленія ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ нѣтъ. Между тѣмъ мы говоримъ, что представители средневековаго реализма чужды метафизической точки зрѣнія въ нашей наукѣ, а Fr. Schleiermacher становится на такую почву, причемъ, правда, остается весьма умѣреннымъ. Но, если мысль о томъ, будто ставить такъ дѣло значить допустить непоследовательность, и возникаетъ, быть можетъ, легко, то причиной этому является неопредѣленность термина «соотвѣтствовать». Мы можемъ сказать: такимъ-то и такимъ-то логическимъ формамъ «соотвѣтствуетъ» въ мірѣ метафизическихъ сущностей то-то и то-то, и имѣть при этомъ въ виду лишь то обстоятельство, что наша мысль, вливаясь въ данныя логическія формы, познаетъ то-то и то-то. Это не значило-бы принять точку зрѣнія метафизической логики. Этимъ направленіе наше въ логикѣ еще не опредѣлялось-бы. Иногда включаютъ въ логику теорію познанія, т. е. ученіе объ источникахъ и предѣлахъ нашего знанія,—или такъ, что теорія познанія прямо составляетъ извѣстную часть науки логики, или—гораздо чаще—построяютъ логику, исходя изъ той или другой напередъ принятой теоріи познанія. Конечно, если связать логику съ теоріей познанія и притомъ такой, которая объявляетъ метафизическое знаніе вообще невозможнымъ, то нельзя и утверждать, будто въ такой или иной логической формѣ мы познаемъ ту или иную форму или сущность метафизическую. Но мы не имѣли-бы тогда права допустить подобное предположеніе не потому, что оно противорѣчило-бы нашимъ логическимъ взглядамъ, а потому, что оно несогласно съ той теоріей познанія, которую мы напередъ приняли. Пусть теперь, мы ведемъ наши рассужденія въ логикѣ, не касаясь вопросовъ теоріи познанія. Положимъ, мы разработали науку логики и хотимъ рассмотретьъ положеніе ея въ метафизикѣ. Каково-бы ни было наше направленіе въ логикѣ, мы имѣли-бы возможность сказать, что при такихъ-то и такихъ-то логическихъ формахъ мы познаемъ въ мірѣ метафизическихъ сущностей то-то и то-то. Итакъ, приверженцы средневековаго реализма утверждаютъ, будто логическимъ формамъ понятій соотвѣтствуютъ дѣйствительныя метафизическія сущности. Это значить, что въ логическихъ формахъ понятій мы познаемъ дѣй-

ствительныя метафизическія сущности—и больше ничего. Подобнымъ предположеніемъ логическое направленіе тѣхъ средневѣковыхъ ученыхъ, которые становятся на почву реализма, не определяется. Совершенно иное «соотвѣтствіе» между логическими и метафизическими формами признаетъ Fr. Schleiermacher. Дѣло идетъ у него вовсе не о томъ, что при такихъ-то формахъ мысли мы познаемъ среди метафизическихъ сущностей то-то и то-то, не о познаваніи метафизическихъ сущностей или формъ въ извѣстныхъ формахъ логическихъ, а о параллелизмѣ, аналогіи, нѣкоторомъ *сходствѣ* между формами логическими и метафизическими принципами или формами, о томъ, что *mutatis mutandis* логическіе формы и принципы обращаются въ метафизическіе и наоборотъ. Что Fr. Schleiermacher усваиваетъ себѣ такую точку зрѣнія,—это всего лучше выясняется изъ его ученія о сужденіяхъ. Какъ мы уже сказали, онъ предполагаетъ, что логической формѣ сужденія соотвѣтствуетъ въ «бытіи» дѣятельность субстанціальныхъ силъ (Actionen). Едва-ли возможно думать, будто дѣятельность субстанціальныхъ силъ соотвѣтствуетъ, по Fr. Schleiermacher'у, логической формѣ сужденія въ томъ смыслѣ, что въ этой послѣдней формѣ мы дѣятельность силъ познаемъ. Итакъ, дѣло идетъ тутъ не о познаваніи разныхъ формъ бытія въ соотвѣтствующихъ формахъ мысли, а о сходствѣ между самыми формами этихъ двухъ порядковъ³⁴²). Правда, часто говорятъ, что средневѣковые реалисты признаютъ существованіе *сходныхъ* съ общими понятіями метафизическихъ сущностей. Но такую въ общихъ терминахъ выраженную мысль необходимо анализировать. Нужно задаться вопросомъ, чтò, именно, утверждаютъ представители средневѣковаго реализма. Эти послѣдніе рассуждаютъ о существованіи извѣстнаго ряда метафизическихъ сущностей. Они объявляютъ, что такимъ сущностямъ принадлежатъ признаки, изъ которыхъ слагается содержаніе нашихъ общихъ понятій, т. е. что въ общихъ понятіяхъ мы, если можно такъ выразиться, адекватно познаемъ эти сущности. А о томъ, чтобы подобныя сущности имѣли нѣкоторое сходство съ самыми логическими формами общихъ понятій, здѣсь нѣтъ рѣчи вовсе.

Повторяемъ, Fr. Schleiermacher стоитъ въ логикѣ на почвѣ метафизическаго направленія, хотя и оказывается здѣсь весьма умѣреннымъ. Наша наука не превращается у него въ метафизику;

³⁴²) Впрочемъ рѣчь идетъ не о тождествѣ, а о сходствѣ только и—мало того—сходствѣ, быть можетъ, весьма отдаленномъ.

логическіе принципы не становятся метафизическими: онъ признаетъ только нѣкоторое сходство, параллелизмъ между формами мысли и—бытія ³⁴³). Mutatis mutandis логическія формы образуются у него въ нѣчто метафизическое ³⁴⁴).

Къ Fr. Schleiermacher'у, какъ утверждаетъ Fr. Ueberweg ³⁴⁵), примыкаетъ Heinr. Ritter ³⁴⁶), который думаетъ, что логика и метафизика должны составить одну науку ³⁴⁷). Его разсужденія о логическихъ формахъ понятія и сужденія ³⁴⁸), дѣйствительно, довольно близко напоминаютъ Schleiermacher'овскія ³⁴⁹).

На почвѣ метафизическаго направленія стоитъ въ логикѣ и Ad. Trendelenburg ³⁵⁰). Всякая наука, говоритъ онъ, стремится быть самостоятельной. Но оказывается, что каждая наука въ концѣ концовъ исходитъ изъ напередъ принятыхъ готовыхъ основныхъ понятій и положеній ³⁵¹). Всякая наука посвящаетъ свои изслѣдованія какому-либо особому предмету. Но предметъ этотъ является, на самомъ дѣлѣ, лишь «развѣтвленіемъ всеобщаго бытія» и ведетъ

³⁴³) Впрочемъ, нужно замѣтить, что мысли свои Fr. Schleiermacher выражаетъ нѣсколько неопредѣленно, что и можетъ дать поводъ къ толкованіямъ различнымъ.

³⁴⁴) Относительно точки зрѣнія Fr. Schleiermacher'a въ логикѣ ср. Fr. Ueberweg «System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 61—63; L. Rabus «Logik und Metaphysik». Th. I. «Erkenntnislehre, Geschichte der Logik, System der Logik». Erl. 1868 p. 226; Fr. Harms «Die Philosophie in ihrer Geschichte. II Th. Geschichte der Logik» Brl. 1881 p. 232—234; «Logik». Leipz. 1886 p. 1—2; K. A. v. Reichlin-Meldegg «System der Logik nebst Einleitung in die Philosophie». Wien 1870. II-te Abth. «System der Logik» p. 15—16.

³⁴⁵) См. въ названномъ только что (примѣч. 344) сочиненіи стр. 63—64.

³⁴⁶) Heinr. Ritter «Abriss der philosophischen Logik». Brl. 1824.—Мы имѣемъ подъ руками только это сочиненіе Heinr. Ritter'a. А нужно замѣтить, что оно вышло въ свѣтъ раньше «Диалектики» Fr. Schleiermacher'a.

³⁴⁷) Ibid. p. 9—10.

³⁴⁸) Ibid. p. 78—144.

³⁴⁹) Heinr. Ritter также говоритъ о какомъ-то соотвѣтствіи, напримѣръ, между понятіемъ и субстанціей (ibid. p. 94—95), о томъ, что, если существуютъ извѣстныя логическія формы, то должны имѣть мѣсто и соотвѣтствующія имъ формы бытія. Впрочемъ и Heinr. Ritter выражаетъ свои мысли неопредѣленно, что можетъ дать поводъ къ толкованіямъ различнымъ.

³⁵⁰) Ad. Trendelenburg «Logische Untersuchungen». Bde. I—II. 3-te Aufl. Leipz. 1870; «Historische Beiträge zur Philosophie. I Bd. Geschichte der Kategorienlehre». Brl. 1846; «Elementa logices Aristoteleae». Ed. octava. Brl. 1878.

³⁵¹) Ad. Trendelenburg «Logische Untersuchungen». Bde I—II. 3-te Aufl. Leipz. 1870. Bd. I p. 4.

насъ такимъ образомъ въ область метафизики ³⁵²), ибо только здѣсь разсматривается бытіе вообще, бытіе, какъ бытіе ³⁵³). Съ другой стороны, каждая наука пользуется своеобразнымъ методомъ изслѣдованія. А всякій методъ представляетъ «только особое направленіе познающей мысли, мысли вообще». Каждая наука приводитъ насъ къ логикѣ. Итакъ, какую-бы мы науку ни взяли, она въ концѣ концовъ опирается, съ одной стороны, на метафизику, съ другой, — на логику, въ обыденномъ смыслѣ этого слова ³⁵⁴). А если такъ, то та наука, которая хочетъ опредѣлить суть науки вообще, хочетъ быть теоріей наукъ, должна обнимать собой въ одно и то-же время и метафизику и логику ³⁵⁵). Эту науку Ad. Trendelenburg и называетъ «логикой, въ болѣе широкомъ смыслѣ» (Logik im weiteren Sinne) ³⁵⁶) и, собственно, онъ и признаетъ только таковую логику: всѣ прочія направленія нашъ авторъ считаетъ несостоятельными ³⁵⁷). Всякое познание предполагаетъ нѣкоторую противоположность между мышленіемъ и бытіемъ; всякое познание предполагаетъ, что познающая мысль и познаваемое бытіе различны ³⁵⁸). Но для того, чтобы познание было возможно, должно мышленію и бытію принадлежать и что-либо общее ³⁵⁹). А то, что обще и мышленію, и бытію, не можетъ быть «спокойнымъ качествомъ» (ruhende Eigenschaft), ибо оно въ такомъ случаѣ всегда оставалось-бы бездѣтельнымъ (still) и не проявлялось-бы въ познании ни въ какой формѣ. Это должна быть какая-то общая мышленію и бытію «дѣятельность» (Thätigkeit) ³⁶⁰). Подобную дѣятельность и представляетъ движеніе (die Bewegung), которое, въ отличіе отъ движенія въ пространствѣ, можно назвать въ этомъ случаѣ «конструктивнымъ» (konstruktive Bewegung) ³⁶¹). Итакъ, Ad. Trendelenburg стремится создать какую-то «логику, въ бо-

³⁵²) Ibid. Bd. I p. 6.

³⁵³) Ibid. Bd. I. p. 7.

³⁵⁴) Ibid. Bd. I p. 6; ibid. Bd. I p. 10.

³⁵⁵) Ibid. Bd. I p. 11.

³⁵⁶) Ibid. Bd. I p. 12.

³⁵⁷) Ibid. Bd. I p. 15—130; ibid. Bd. II p. 530—538.

³⁵⁸) Ibid. Bd. I p. 132—133.

³⁵⁹) Ibid. Bd. I p. 134—137.

³⁶⁰) Ibid. Bd. I p. 138.

³⁶¹) Cp. ibid. Bd. I p. 130—155; ibid. Bd. II p. 530—538; «Historische Beiträge zur Philosophie. I Bd. Geschichte der Kategorienlehre». Brl. 1846 p. 362—380.

лѣе широкомъ смыслѣ», которая представляла-бы соединеніе метафизики и логики, въ обыденномъ значеніи этого слова ³⁶²). И за первый принципъ, общій мышленію и бытію, онъ признаетъ движеніе. Изъ этого основнаго принципа объясняются, съ одной стороны, формы мысли, логическія формы, съ другой,—формы бытія, формы метафизическія. Логическія формы и формы метафизическія аналогичны однѣ другимъ ³⁶³). Такимъ образомъ и у Ad. Trendelenburg'a такъ-же, какъ у Fr. Schleiermacher'a и Heinr. Ritter'a формы логическія, правда, не совпадаютъ съ метафизическими, не тождественны съ послѣдними, но аналогичны имъ, до нѣкоторой степени сходны съ ними, параллельны имъ. И здѣсь мы имѣемъ, такъ сказать, умѣренную метафизическую логику ³⁶⁴).

Мы должны сказать нѣсколько словъ также о E. Dühring'ѣ ³⁶⁵) и, именно, о его ³⁶⁶) «логикѣ природы» (Naturlogik, Sachlogik) ³⁶⁷). Сколько послѣдній ни говорить о томъ, что нужно стоять на почвѣ «положительной науки» ³⁶⁸), и сколько онъ ни возражаетъ противъ метафизическаго направленія въ логикѣ ³⁶⁹), онъ, строго говоря, самъ до нѣкоторой степени придерживается этого направленія. Чего нельзя мыслить, то невыполнимо и въ природѣ, говоритъ E. Dühring. Основой необходимости мысли и необходимости въ природѣ является одинъ и тотъ-же міровой порядокъ ³⁷⁰). Разсматривать тѣ общія схемы, по которымъ дѣйствуетъ природа,—въ этомъ и заключается задача «логики природы» ³⁷¹). Впрочемъ мы должны оставаться въ сферѣ общихъ схемъ: иначе мы перейдемъ

³⁶²) Ср. Ad. Trendelenburg „Logische Untersuchungen“. Bde I—II. 3-te Aufl. Leipz. 1870. Bd. I. „Vorwort zur zweiten Auflage“ p. V—VI; ibid. „Vorwort zur dritten Auflage“ p. XI; ibid. Bd. I p. 1—14; ibid. Bd. II p. 530—538.

³⁶³) Ibid. Bd. II p. 536. Ср. ibid. Bd. I p. 156 и дальше до конца тома; Bd. II (весь); „Historische Beiträge zur Philosophie. I Bd. Geschichte der Kategorienlehre“. Brl. 1846 p. 362—380.

³⁶⁴) Ср. Fr. Harms „Logik“. Leipz. 1886 p. 1—2.

³⁶⁵) E. Dühring „Natürliche Dialektik“. Brl. 1865; „Logik und Wissenschaftstheorie“. Leipz. 1878.

³⁶⁶) Мы вернемся еще къ E. Dühring'у, когда будемъ говорить о такъ называемой «математической» логикѣ.

³⁶⁷) Мы пользуемся такимъ терминомъ, чтобы отличить Dühring'овскую «Naturlogik» отъ «Naturlogik», въ смыслѣ средневѣковой «logica naturalis» (см. выше).

³⁶⁸) E. Dühring „Logik und Wissenschaftstheorie“. Leipz. 1878 p. 4—5.

³⁶⁹) Ibid. p. 2; ibid. p. 8.

³⁷⁰) Ibid. p. 210.

³⁷¹) Ibid. p. 211—212.

въ область специальныхъ наукъ ³⁷²). Вотъ что разумѣть Е. Dühring подъ логикой природы ³⁷³). Здѣсь, говоримъ мы, сказывается у него, собственно, точка зрѣнія метафизическаго направленія въ нашей наукѣ. Необходимость мысли и необходимость въ природѣ опирается на одно и то-же основаніе, утверждаетъ нашъ авторъ. Но что разумѣть онъ подъ необходимостью мысли и необходимостью въ природѣ? Когда Е. Dühring говорить о необходимости въ природѣ, онъ, какъ онъ самъ выражается, имѣетъ въ виду тѣ схемы, которымъ природа слѣдуетъ, мы сказали-бы, тѣ законы, которымъ она подчиняется. И, если онъ говорить о необходимости мысли, то здѣсь также идетъ дѣло о какихъ-то схемахъ, законахъ. Чего нельзя мыслить, то необходимо и въ природѣ, читаемъ мы, какъ выше упомянуто, у Е. Dühring'a: это отрицательная сторона логики природы. Слова «чего нельзя мыслить» и опредѣляютъ намъ, что нашъ авторъ называетъ мыслью необходимой. «Противорѣчивое не можетъ стать дѣйствительнымъ», поясняетъ Е. Dühring ³⁷⁴), такъ что невозможной, въ противоположность необходимой мысли, здѣсь названа мысль *не психологически невозможная, а противорѣчивая*. Такимъ образомъ, когда Е. Dühring различаетъ мысль необходимую и невозможную, у него идетъ рѣчь не о томъ, возможно-ли психологически или невозможно для насъ мыслить то-то и то-то, а о томъ, правильна-ли или нѣтъ, съ точки зрѣнія логики, наша мысль, и нашъ авторъ, говоря о необходимости мысли, имѣетъ въ виду схемы или законы логики. Слѣдовательно, выраженіе — «необходимость мысли и необходимость въ природѣ имѣетъ единое общее основаніе», — такъ сказать, въ переводѣ означаетъ: законы природы и законы логическіе вытекаютъ изъ единаго общаго основанія. Но тѣмъ самымъ Е. Dühring уже признаетъ нѣкоторое сходство между законами природы, или, какъ обыкновенно выражаются представители метафизическаго направленія, принципами бытія и законами логики, — по крайней мѣрѣ, сходство по отношенію къ основанію, изъ котораго схемы природы или «бытія» и схемы логическія вытекаютъ. И такое сходство онъ проводитъ дальше. Напримѣръ, о принципѣ достаточнаго основанія Е. Dühring говорить: ... «принципу достаточнаго основанія придавали различное значе-

³⁷²) Ibid. p. 212.

³⁷³) Ср. ibid. «Vorrede» p. V—VI; ibid. p. 2 — 3; ibid. p. 9 — 10; ibid. p. 155—237.

³⁷⁴) Ibid. p. 210.

ніе,—значеніе метафизическое, котораго за нимъ удержать нельзя было. Но разумнымъ образомъ его можно формулировать не иначе, какъ въ смыслѣ закона причинности (Ursächlichkeitsgesetz). Какъ, съ чисто логической точки зрѣнія, при всякаго рода познаніи дѣло идетъ о составныхъ элементахъ, которые необходимы, чтобы выяснилась истинность его (т. е., познанія), и какъ здѣсь необходимо доказать, что каждый изъ этихъ составныхъ элементовъ имѣется на лицѣ, такъ и въ царствѣ природы (im Walten der Natur) нѣтъ такого сложнаго дѣла (Composition), для котораго нельзя было-бы отыскать его составныхъ частей (Bestand- und Bestimmungstücke)³⁷⁵). Мы видимъ, что «логическій принципъ достаточнаго основанія» и законъ причинности оказались у Е. Dühring'a аналогичными, до нѣкоторой степени сходными. Логическіе законы и, такъ сказать, наиболѣе общіе законы природы у него аналогичны одни другимъ, параллельны³⁷⁶). Правда, здѣсь сходными съ законами логики оказываются не принципы метафизики, какъ у другихъ представителей разсматриваемаго направления, а законы природы (такъ, по крайней мѣрѣ, хочеть поставить дѣло нашъ авторъ), и въ этомъ смыслѣ терминъ «метафизическая» логика здѣсь неприменимъ. Но и у Е. Dühring'a такъ-же, какъ и въ логикѣ «метафизической», въ строгомъ смыслѣ этого слова, принципы логики сходны съ законами вещей, съ законами, которымъ подчиненъ объективный міръ.

Къ послѣдователямъ метафизическаго направленія въ нашей наукѣ можно причислить Е. F. Friedrich'a³⁷⁷).—На точку зрѣнія

³⁷⁵) Ibid. p. 211.

³⁷⁶) Ср. ниже о Гербертѣ Спенсерѣ.

³⁷⁷) E. F. Friedrich «Beiträge zur Förderung der Logik, Noetik und Wissenschaftslehre». Leipz. 1864. — На стр. 24 — 25 мы у него читаемъ: «Meines Erachtens vertheilt sich das ganze Aggregat herkömmlich im Bausch und Bogen sogenannter logischen Kenntnisse, vertheilt sich die sogenannte Logik oder Vernunftlehre (herk. philosophia rationalis) auf drei weit auseinander liegende Felder der Gesamtwissenschaft, von denen jedes aparter Pflege bedarf, um dereinst die würdevolle Gestalt einer Sonderwissenschaft zu erreichen. Unter dem Titel «Beiträge zur Förderung der Logik, Noetik und Wissenschaftslehre» beabsichtige ich daher eine Anzahl Abhandlungen herauszugeben, welche den bisherigen Anbau 1) der eigentlichen Logik oder der Sachvernunftwissenschaft (scientia de ratione cursus rerum omnium), die auch «Logik der Thatsachen» genannt worden, d. h. der Wissenschaft vom Zusammenhang aller Sachverhalte oder von der Vernunft des grossen Weltlaufs, 2) der Noetik oder Denkungs-theorie (theoria cogitationis) und 3) der Idmik oder Kundigkeitslehre (doctrina

логики метафизической селоненъ, повидимому, статья L. Rabus³⁷⁸).— К. А. v. Reichlin-Meldegg³⁷⁹) хочетъ въ своей «Системѣ логики» послѣдовательно провести идею параллелизма между формами мысли и формами бытія, законами логическими и законами бытія и природы³⁸⁰). Онъ стремится показать, что законы этихъ двухъ порядковъ параллельны, мы сказали-бы, до нѣкоторой степени сходны между собой³⁸¹).—Наконецъ,³⁸²) на такомъ параллелизмѣ на-
станвааетъ и Fr. Ueberweg³⁸³).

gnaritis) dürften weiterführen helfen. Was man in unserm Jahrhundert reale, formale und induktive Logik genannt hat, halte ich für drei äquivokdisparate Regionen, für drei weit auseinander liegende Felder der Gesamtwissenschaft. Sie fallen so wenig in Eins zusammen, wie Ontologie, Psychologie und Methodologie... Der Unterschied zwischen ontologischer, psychologischer und methodologischer Tendenz ist aber kein Unterschied zwischen Gesichtspunkten, für deren einen man mit Vorliebe zum Objektivismus oder Subjektivismus Partei ergreifen darf, sondern ein Unterschied zwischen Problemen, deren jedes von jeder Partei anerkannt werden muss. Kurzum es giebt dreierlei sogenannte Logik und nur eine von diesen Sorten verdient eigentliche Logik zu heissen». И ниже нашъ авторъ говоритъ: ...«werde ich das ganze herkömmlich in Bausch und Bogen so titulierte Aggregatotypus von Kenntnissen, wozu eben auch Noëtik und Idmik gehören, als sogenannte Logik anerkennen, hingegen die Wissenschaft vom grossen Weltlauf, der bei Chinesischen Philosophen seit Laotse (geb. 604 vor Chr.) tao, Tao, bei Griechischen Philosophen ὀρθὸς λόγος, orthos logos, Orthoslogos, bei Englischen Philosophen seit Clarke reason of things und bei Französischen Philosophen raison impersonelle heisst, als eigentliche Logik oder eigentl. Vernunftlehre bezeichnen, zu welcher ich mit Rosenkranz unter andern Prudenzen, resp. Prudenzrayons, Lehrfächern und Lernfächern die Doktrin der Qualität, der Quantität und des Masses, ferner die Ousiologie oder Wesenslehre, sodann die Teleologie oder Zweckslehre, zudem die Ontologie oder Pragmatik rechne. Hieher gehören solche Wesenheiten und Gesetze, von denen der Arabische Philosoph Algazeli (+ 1111, bei Prantl II, 362) sagt, ohne Heimsuchung anzustellen, ergreife sie der Verstand sogleich, z. B. Seiendes, Etwas, Sache, «Zwei sind mehr, als Eins», «das Ganze ist grösser, als sein Theil» u. s. w. Quod intellectu apprehenditur statim sine inquisitione est sicut ens, aliquid, res, duo sunt plus quam unum. Die Stoiker waren es, welche angeregt von Heraklit zuallererst im Abendlande die grandiose Ahnung vom grossen Weltlauf aussprechen, indem sie den Orthoslogos (ὀρθὸς λόγος) für das der Natur und Geschichte gemeinsame Gesetzthum der Richtigkeit erklärten, welches durch Alles hindurchgehe; eben das System von Gesetzen—Gesetzthum ein glücklicher Ausdruck dafürbei Troxler—der Richtigkeit nannte der Stoiker Chrysipp den Logos der Welt, welchem gemäss das Gewordene geworden ist, das Werden wird und das Werden-werdende werden wird; denn ohne das grosse Weltgeflecht, ohne Tao oder Orthoslogos existirt nicht Himmels und nicht Erde» (p. 71—72. Ср. дальше).

Мы не можем не упомянуть здѣсь также о Гербертѣ Спенсерѣ ³⁸⁴). Последній на томъ только основаніи, что мы, построивъ умозаключенія, приходимъ къ *истинамъ объективнымъ*, что мы, какъ выражается онъ самъ, устанавливаемъ при этомъ «объектив-

³⁷⁸) L. Rabus «Logik und Metaphysik». Th. I. «Erkenntnisslehre, Geschichte der Logik, System der Logik». Erl. 1868; «Die neuesten Bestrebungen auf dem Gebiete der Logik bei den Deutschen und die logische Frage». Erl. 1880. См. въ последнемъ сочиненіи p. 43. Cp. *ibid.* p. 9; *ibid.* p. 25; *ibid.* p. 41; *ibid.* p. 57; *ibid.* p. 105; *ibid.* p. 171—174; *ibid.* p. 178; «Logik und Metaphysik». Th. I. «Erkenntnisslehre, Geschichte der Logik, System der Logik». Erl. 1868. «Vorrede» p. VI; *ibid.* p. 12; *ibid.* p. 23—120; *ibid.* p. 245—248; *ibid.* p. 294—300. Cp. также Fr. Ueberweg «System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 54—55.

³⁷⁹) K. A. v. Reichlin-Meldegg «System der Logik nebst Einleitung in die Philosophie». Wien 1870.

³⁸⁰) Мы игнорируемъ здѣсь то обстоятельство, что K. A. v. Reichlin-Meldegg объявляетъ логику за одну изъ частей психологіи (*ibid.* I Abth. p. 5—6; *ibid.* II Abth. «System der Logik» p. 1—2; *ibid.* p. 18), ибо сводить нашу науку къ психологіи значить, собственно, исключить логику изъ числа, такъ сказать, самостоятельныхъ наукъ совсѣмъ. Cp. выше, что сказано о Herm. Wolff'у, а также ниже (гл. VII).

³⁸¹) *Ibid.* I Abth. «Vorwort» p. III; *ibid.* p. 1; *ibid.* p. 5—6; *ibid.* II Abth. «System der Logik» p. 1—2; *ibid.* p. 17—19; *ibid.* p. 55—172.

³⁸²) Мы не называемъ Fr. Harms'a въ числѣ представителей метафизической логики, несмотря на то, что онъ настойчиво требуетъ, чтобы логика развивалась въ связи съ метафизикой («Logik». Leipz. 1886 p. 1—60),—по той-же причинѣ, по которой не считаемъ и Аристотеля основателемъ этого направленія (см. выше). Самое большее, что можно было-бы утверждать относительно Fr. Harms'a, —это, что онъ вноситъ въ логику метафизическій элементъ, метафизическія разсужденія, но направленія метафизическаго онъ чуждъ: принципы логики и принципы метафизики у него не только не совпадаютъ одни съ другими, но и вообще не сходны между собой. Логика опредѣляетъ формы мысли, при которыхъ мы познаемъ истину. Но истинность есть соотвѣтствіе между мыслью и ея объектомъ, мыслью и бытіемъ. Логика должна принять въ расчетъ метафизическое понятіе о бытіи вообще. Вотъ все, что утверждаетъ Fr. Harms. — Замѣтимъ здѣсь между прочимъ, что нѣкоторую склонность къ метафизическому направленію въ нашей наукѣ обнаруживаетъ и G. Teichmüller, который въ слѣдъ за Гегелемъ очень много разсуждаетъ объ универсальномъ методѣ. Но къ сожалѣнію G. Teichmüller не представилъ системы логики. Онъ только трактуетъ о «новой діалектикѣ», и въ этихъ разсужденіяхъ направленіе его въ логику недостаточно сказывается (см. G. Teichmüller «Neue Grundlegung der Psychologie und Logik». Breslau 1889).

³⁸³) Fr. Ueberweg «System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn 1882. См. p. 3; *ibid.* p. 13—14. Cp. *ibid.* «Vorrede des Verfassers» p. V—VIII; *ibid.* p. 1—14 и дальше самое изложеніе логики. Cp.

ныя отношенія»³⁸⁵), объявляетъ логику за науку объ поп-его³⁸⁶), науку о «всеобщихъ объективныхъ соотношеніяхъ»³⁸⁷). Можно утверждать, что логика у Спенсера все-же стоитъ внѣ связи съ метафизикой, что подъ «всеобщими объективными соотношеніями» онъ разумѣетъ отношенія, такъ сказать, не метафизическія, а естественнонаучныя. Чтобы не заходить слишкомъ далеко и не пускаться въ длинныя разсужденія о томъ, какой характеръ должна была-бы носить Спенсеровская наука о «всеобщихъ объективныхъ отношеніяхъ» (Гербертъ Спенсеръ, какъ извѣстно, не написать ни одного сочиненія, которое было-бы посвящено специально логикѣ), метафизическій или нѣтъ, будемъ здѣсь пользоваться такъ-же, какъ и тогда, когда дѣло шло о «логикѣ природы» E. Dühring'a, терминами болѣе общими. Не будемъ говорить, будто Спенсеръ сводитъ логику къ метафизикѣ, будто мѣсто логики у него заступаетъ метафизика. Скажемъ только, что логика обращается, если придерживаться его воззрѣній, въ науку о такъ называемомъ объективномъ мірѣ. Уже это заставитъ насъ признать большое сходство между логикой, какъ ставить дѣло Гер-

также L. Rabus «Die neuesten Bestrebungen auf dem Gebiete der Logik bei den Deutschen und die logische Frage». Erl. 1880 p. 34—35; G. Teichmüller «Neue Grundlegung der Psychologie und Logik». Breslau 1889 p. 253.

³⁸⁴) Herb. Spencer «The principles of Psychology». Vol. I—II. Third ed. Lond. and Edinb. 1881. Vol. II. Part VI. «Special analysis»; «Классификація наукъ». Пер. Н. Л. Тиблена.

³⁸⁵) Мы не принимаемъ здѣсь во вниманіе одного мѣста Спенсеровской «Психологій»,—того мѣста, гдѣ послѣдній, какъ онъ самъ выражается, хочетъ à priori доказать, что логика есть наука объ «объективныхъ соотношеніяхъ». «If there is, говоритъ Гербертъ Спенсеръ, a division of science, properly to be called Concrete, which treats of existences considered in all their fulness as objective entities—if there is another division of science, fitly distinguishable as Abstract-Concrete, which treats separately of the various modes of force, which these existences exhibit, still considering these modes of force as objective—if, of the remaining division of science, which is truly Abstract, there is a part, that treats of quantitative relations considered as separat from related things, still, however, considering these quantitative relations as objective; then there must remain a further most general part of this Abstract division, ignoring all distinctions of being, attribute, quantity, treats of the necessary correlations common to all cases, still considering these necessary correlations as objective. There must be such a science of universal objective correlations; and that science is Logic» (см. названное въ примѣч. 384-мъ изданіе vol. II part VI p. 90). Этого мѣста, говоримъ мы, мы не принимаемъ во вниманіе: если допустить необходимость подобной науки о «всеобщихъ объективныхъ соотношеніяхъ», то откуда слѣдуетъ, будто, именно, логика должна представлять такую науку?

берть Спенсеръ, и всякой метафизической логикой³⁸⁸).—Нѣкоторое стремленіе признать за логическіе законы между прочимъ и такіе принципы, которые, собственно, распространяются на объективный міръ, а не на процессы нашей мысли, обнаруживается и у Бена³⁸⁹), такъ что и послѣдній, сказали-бы мы, нѣсколько склоненъ стать въ нашей наукѣ на почву метафизическаго направленія³⁹⁰).

³⁸⁶) Ibid. vol. II part VI p. 94.

³⁸⁷) Ibid. vol. II part VI p. 90—91.

³⁸⁸) Ibid. vol. II part VI p. 86—100. Ср. ibid. vol. II part VI p. 6—85; ibid. vol. II part VI p. 100—116. См. также „Классификація наукъ“. Пер. Н. Л. Тибиленна стр. 13. Ср. ibid. p. 2—7.—Сдѣлаемъ здѣсь одно замѣчаніе. Въ своемъ сочиненіи: «The principles of science» (vol. I—II. Lond. 1874), St. Jevons говоритъ: «Гербертъ Спенсеръ утверждаетъ, будто законы логики суть законы объективныя, и предполагаетъ, что умъ нашъ непрерывно воспитывается, ибо каждый актъ неправильнаго заключенія или расчета приводитъ къ такимъ результатамъ, которые могутъ предотвратить насъ отъ ошибокъ, подобныхъ тѣмъ, какія только что были допущены. Я вполне готовъ принять столь остроумный взглядъ, но въ то-же время необходимо различать накопленіе знанія и опытности и природу нашего ума (the constitution of the mind), которая допускаетъ возможность приобрѣтенія знанія: прежде чѣмъ ошибка станетъ возможной, умъ нашъ долженъ ясно различать ошибочныя заключенія отъ всякаго рода иныхъ утвержденій» (vol. I p. 9). На основаніи приведеннаго мѣста, правда, нельзя опредѣленно сказать, какъ понимаетъ St. Jevons ученіе Герберта Спенсера. Между тѣмъ больше онъ относительно мнѣнія Спенсера, будто логика есть наука объ «объективныхъ отношеніяхъ», не говоритъ ничего. Но, во всякомъ случаѣ, и эти слова даютъ возможность предположить, что St. Jevons истолковываетъ взглядъ Спенсера особымъ образомъ. Остановливаясь на вопросѣ о критеріи немислимости,—на вопросѣ о томъ, будто немислимость положенія, противоположнаго (контрадикторнаго, а не контрарнаго) данному, достаточно свидѣтельствуетъ объ истинности даннаго, Спенсеръ доказываетъ основательность такого критерія слѣдующимъ образомъ. Все наше знаніе имѣетъ источникомъ своимъ, по его мнѣнію, опытъ. А потому каждое положеніе и должно опираться исключительно на опытъ, на факты. Между тѣмъ немислимость отрицанія извѣстнаго положенія, именно, является признакомъ того, что въ пользу даннаго положенія говорить весьма большое количество фактовъ, которые мы сами или человѣчество вообще, наши предки имѣли случай наблюдать. Если мы часто видимъ двѣ какія-либо вещи вмѣстѣ, у насъ образуется извѣстная ассоціація, такъ что, когда мы обращаемъ нашу мысль къ одной изъ встрѣчавшихся вмѣстѣ вещей, въ нашемъ сознаніи невольно возникаетъ и идея другой вещи. Если число случаевъ, при которыхъ мы наблюдаемъ двѣ вещи вмѣстѣ, достаточно велико и если мы не встрѣчаемъ случаевъ противоположныхъ, то образуется столь крѣпкая ассоціація, что отъ мысли объ одной изъ вещей, представленія о которыхъ у насъ ассоціировались, мы непременно каждый разъ переходимъ къ идеѣ о другой и оказываемся совершенно неспособными мыслить эти двѣ вещи отдѣльно одну отъ другой. Пусть, мы притомъ, встрѣчая постоянно двѣ вещи вмѣстѣ, каждый разъ на

Наконецъ, здѣсь нужно указать еще на Él. Rabier³⁹¹). Разсуждая о логикѣ «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», этотъ Французскій ученый объявляетъ, что то, что заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, невозможно и объективно или, какъ онъ выражается, метафизически³⁹²). Между тѣмъ логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», есть наука о послѣдовательности въ мысли, о томъ, при

блюдаемъ извѣстное отношеніе между ними; тогда въ концѣ концовъ для насъ окажется невозможнымъ не только мыслить эти двѣ вещи отдѣльно одну отъ другой, но и мыслить ихъ не стоящими одну къ другой въ томъ отношеніи, которое мы привыкли наблюдать. Такимъ образомъ немыслимость отрицанія даннаго положенія можетъ служить внѣшнимъ признакомъ того, что мы прежде наблюдали весьма большое количество фактовъ, которые доказываютъ его истинность. Но возможна и болѣе сложная комбинація. Всякій познавательный актъ, всякая дѣятельность мысли, думаетъ Спенсеръ, до нѣкоторой степени измѣняетъ свойства центральныхъ органовъ нашей нервной системы. Послѣ извѣстныхъ познавательныхъ актовъ, послѣ извѣстной дѣятельности мысли центральные органы оказываются уже навсегда нѣсколько измѣненными. И подобныя измѣненія въ нѣкоторой мѣрѣ передаются по наслѣдству. Пусть, человѣкъ постоянно видитъ предъ собой данное сочетаніе явленій. У него образуется крѣпкая, неразрывная ассоціація. Этой ассоціаціи соответствуютъ и какія-то особыя измѣненія въ центральныхъ органахъ нервной системы. Особенности въ устройствѣ нервныхъ центровъ онъ передаетъ по наслѣдству своимъ дѣтямъ, и послѣдніе оказываются, благодаря этому обстоятельству, уже предрасположенными къ тому, чтобы ассоциировать идеи о тѣхъ явленіяхъ, сочетаніе которыхъ постоянно наблюдали ихъ отецъ. При этомъ въ теченіе всей своей жизни они, положимъ, и сами постоянно наблюдаютъ данное сочетаніе явленій. И у нихъ образуется такая-же неразрывная ассоціація, причемъ измѣненія въ центральныхъ органахъ, соответствующія этой ассоціаціи, у нихъ становятся, такъ сказать, болѣе закрѣпленными и передаются слѣдующему поколѣнію легче и, если такъ можно выразиться, въ болѣе полномъ видѣ. Такъ переходятъ по наслѣдству извѣстныя свойства центральныхъ органовъ,—свойства, которыя обусловливаютъ тѣ или другія склонности нашей мысли, и такъ закрѣпляются эти свойства постепенно за человѣкомъ. Когда подобныя свойства закрѣпились вполне, то оказывается, что человѣкъ, уже независимо отъ всякаго личнаго опыта, отъ всякихъ *своихъ* наблюденій, неспособенъ мыслить извѣстныя сочетанія явленій, извѣстныя «положенія» иначе, чѣмъ какъ мыслили эти сочетанія, эти «положенія» его предки. Немыслимость отрицанія даннаго положенія и можетъ указывать не только на то, что факты, которые мы сами наблюдали, свидѣтельствуютъ въ пользу даннаго положенія, но часто и на то, что данное положеніе подтверждается громаднымъ количествомъ случаевъ, которые имѣли предъ собой въ продолженіи громаднаго промежутка времени наши предки (Herb. Spencer «The principles of Psychology». Vol. I.—II. Third ed. Lond. and Edinb. 1881. Vol. II part VI p. 406—427). Мы не будемъ говорить о недостаткахъ подобной теоріи. Этихъ возрѣній Спенсера мы коснулись только для того, чтобы уяснить мнѣніе St. Jevons'a относительно Спенсеровскаго взгляда, будто логика устанавливаетъ какіе-то объективные законы. Мы уже говорили,

какихъ условіяхъ мысль наша избѣгаетъ всякаго рода противорѣчій³⁹³). Выходить, по его мнѣнію, что логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», есть въ то-же время и наука о возможномъ объективно или метафизически, о «первыхъ существенныхъ условіяхъ реального» (*science des conditions premières essentielles du réel*)³⁹⁴). Такимъ образомъ и у É. Rabier логика или, по крайней мѣрѣ,

что St. Jevons высказывается по этому поводу неопредѣленно. Но можно думать, что онъ предполагаетъ, будто Спенсеровское общее понятіе о логикѣ стоитъ въ связи съ этой теоріей наслѣдственной передачи. Повидимому, St. Jevons думаетъ, что Спенсеръ составляетъ свое опредѣленіе логики слѣдующимъ образомъ. Логика разсматриваетъ вопросъ о томъ, когда наша мысль протекаетъ правильно, а когда нѣтъ. Но мы по наслѣдству отъ нашихъ предковъ получаемъ нервную систему, такъ устроенную, что цѣлый рядъ положеній мы должны мыслить известнымъ опредѣленнымъ образомъ,—согласно съ опытомъ предшествующихъ поколѣній, и наша мысль при этомъ отнюдь не впадаетъ въ ошибки, ибо всѣ такіа положенія подтверждаются громаднымъ количествомъ фактовъ, которые постоянно бросались въ глаза нашимъ предкамъ. Съ изученія подобныхъ склонностей ума и должна начать логика. Склонности-же эти обуславливаются, какъ сказано, устройствомъ центральныхъ органовъ нервной системы нашей. А эта послѣдняя представляетъ нѣчто такое, что относится къ объективному, а не нашему внутреннему, субъективному міру. Логика должна исходить изъ изученія чего-то объективнаго. Логика есть прежде всего наука о чемъ-то объективномъ, а не субъективномъ. Логика есть наука о тѣхъ объективныхъ отношеніяхъ, которыя лежатъ въ основаніи указанныхъ особенностей нашей нервной системы, и объ этихъ послѣднихъ особенностяхъ, которыя также представляютъ что-то объективное, а не субъективное. Замѣтимъ прежде всего, что для такого объясненія Спенсеровскаго взгляда на логику мы не имѣемъ основаній. Спенсеръ самъ только заявляетъ, что законы логики—законы, если можно такъ выразиться, объективные, что логика—наука объ «объективныхъ отношеніяхъ», и никакихъ объясненій въ духѣ тѣхъ, которыя склоненъ ему, повидимому, вложить въ уста St. Jevons, не предлагаетъ. Далѣе. Если мы и примѣмъ толкованіе St. Jevons'a, если мы—мало того—даже скажемъ, что, по мнѣнію Герберта Спенсера, логика изучаетъ *исключительно* особенности нервной системы, обуславливающія известные склонности ума, логика останется у Спенсера все-же наукой о чемъ-то объективномъ, а не субъективномъ, и въ виду этого его можно будетъ причислить къ представителямъ метафизическаго направленія въ логикѣ.

³⁸⁹) Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873.

³⁹⁰) Ср. ниже.

³⁹¹) É. Rabier «Leçons de philosophie. II. Logique». 2-me éd. Par. 1883.—Ср. выше о представителяхъ логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ».

³⁹²) Ibid. p. 9—17.

³⁹³) Ibid. p. 6—9 съ примѣчаніями, сюда относящимися; ibid. p. 85.

³⁹⁴) Ibid. p. 86.

логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», оказывается не только наукой о формахъ мысли, но и какой-то наукой объ объективномъ мірѣ ³⁹⁵).

Остановимся на вопросѣ объ отношеніи между метафизической логикой и логикой формальной вообще. Послѣдователи метафизическаго направленія придаютъ, говоримъ мы, принципамъ логики метафизическое значеніе. Крайніе представители этого направленія прямо обращаютъ логику въ метафизику или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ отдѣловъ ея и утверждаютъ, будто логическіе законы ничто иное, какъ принципы метафизики ³⁹⁶); болѣе умѣренные полагаютъ только, что законы логики *mutatis mutandis* превращаются въ принципы метафизики, признаютъ нѣкоторый параллелизмъ, сходство между логическими формами и формами метафизическими ³⁹⁷). Иногда въ этомъ случаѣ мѣсто метафизики заступаетъ вообще наука о чемъ-то объективномъ, такъ что рѣчь идетъ не о тождествѣ или сходствѣ между принципами логики и—метафизики, а объ одинаковости или параллелизмѣ между формами или законами логики и вообще формами или законами, распространяющимися на объективный міръ ³⁹⁸). Между тѣмъ формальную логику мы опредѣлили, какъ науку о тѣхъ особенностяхъ, которыя принадлежатъ мысли нормальной,—въ отличіе отъ ненормаль-

³⁹⁵) Мы не указываемъ здѣсь на тѣхъ представителей нашей науки, которые только при обсужденіи нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ становятся на метафизическую точку зрѣнія, которые, напримѣръ, разсматриваютъ законъ тождества, какъ принципъ метафизическій,—принципъ, имѣющій значеніе не по отношенію къ процессамъ нашей мысли или, по крайней мѣрѣ, не по отношенію къ процессамъ мысли только, а для объективнаго міра (см., напр., St. Jevons «The principles of science». Vol. I—II. Lond. 1874. Vol. I p. 7—10).

³⁹⁶) См. выше о сочиненіяхъ A. Troxler'a, J. Fr. Fries'a, G. W. Fr. Hegel'a и Kuno Fischer'a. Ср. также о Гербертѣ Спенсерѣ и El. Rabier.—Насколько послѣдовательно проводить свою мысль названные авторы,—этого вопроса мы не касаемся. Мы только утверждаемъ, что они *хотятъ* обратить логику въ метафизику.

³⁹⁷) См. выше о сочиненіяхъ J. G. Fichte, Fr. W. J. Schelling'a, Fr. Schleiermacher'a, Heinr. Ritter'a, Ad. Trendelenburg'a, L. Rabus'a, K. A. v. Reichlin-Meldegg'a и Fr. Ueberweg'a. Ср. также о E. Dühring'ѣ.

³⁹⁸) См. выше о E. Dühring'ѣ и Гербертѣ Спенсерѣ.

ной. Формальная логика вообще напередъ принимаетъ такой или иной критерій нормальности и ненормальности для формъ человѣческой мысли и опредѣляетъ потомъ формы мысли нормальной. Этимъ логика формальная и ограничивается. Тождественны-ли формы логическія съ формами метафизическими. нѣтъ-ли между принципами этихъ двухъ порядковъ нѣкотораго параллелизма, сходства, — этотъ вопросъ приверженцы формальнаго направленія обыкновенно оставляютъ въ сторонѣ. Можно, конечно, и у тѣхъ ученыхъ и мыслителей, которые въ логикѣ совершенно чужды метафизической точки зрѣнія, найти, наприкладъ, разсужденія объ отношеніи логики къ метафизикѣ. И дѣло здѣсь будетъ идти, положимъ, также и о различіи между этими двумя науками, слѣдовательно, быть можетъ, и о различіи между законами логики и принципами метафизики, такъ что вопросъ о сходствѣ или несходствѣ между принципами этихъ двухъ наукъ тутъ затронуть. Но всѣ подобныя разсужденія только имѣютъ въ этомъ случаѣ цѣлью отграничить область логики отъ области разсмотрѣнія прочихъ наукъ. Вопросы о тождествѣ, сходствѣ или несходствѣ между принципами логическими и метафизическими при этомъ не включаютъ въ число тѣхъ вопросовъ, рѣшенію которыхъ посвящена наука логики. Его касаются, но касаются не потому, чтобы этотъ вопросъ относился къ области логики, а для того, чтобы такимъ образомъ точнѣе очертить эту область. Напротивъ, въ глазахъ представителей метафизическаго направленія, это, какъ сказано, одинъ изъ существенныхъ вопросовъ самой логики. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ метафизической логикѣ выставляютъ, сравнительно съ логикой формальной, совершенно новый вопросъ, — вопросъ о тождествѣ, сходствѣ или несходствѣ между формами и принципами логическими, съ одной стороны. и формами и принципами метафизическими или — точнѣе — формами и принципами, распространяющимися на объективный міръ, — съ другой, и — добавимъ при этомъ — съ извѣстными ограниченіями, а иногда даже прямо безъ всякихъ ограниченій вопросъ этотъ рѣшаютъ здѣсь непременно въ утвердительномъ смыслѣ. И этимъ, собственно, и исчерпываются сравнительныя особенности метафизической логики.

Когда говорятъ, что существуетъ метафизическое направленіе въ нашей наукѣ, то имѣютъ въ виду только это одно обстоятельство, только то обстоятельство, что у нѣкоторыхъ ученыхъ и философовъ въ логикѣ, кромѣ разнаго рода другихъ вопросовъ, поставленъ и рѣшается въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о томъ, сходны-ли или несходны между собой законы и формы логическіе и принципы и формы метафизическіе.

Пойдемъ дальше. Еслибы мы напередъ задались цѣлью работать логику непременно метафизическую, это, быть можетъ, и имѣло-бы нѣкоторое значеніе при рѣшеніи различныхъ вопросовъ, — тѣхъ вопросовъ, которые общи и логикѣ, такъ сказать, не-метафизической. Но предположимъ, что какой-либо ученый хочетъ построить систему логики, не задаваясь напередъ цѣлью примкнуть непременно къ тому, а не иному направленію въ нашей наукѣ. Онъ долженъ сначала установить формы и законы логическіе, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, и только тогда онъ можетъ сравнивать таковыя формы и законы съ принципами и формами метафизическими. Безъ подобной предварительной работы невозможно было-бы самое сравненіе это. Пусть, такой ученый въ концѣ концовъ сталъ-бы на почву метафизическаго направленія и призналъ-бы нѣкоторое сходство или даже полное тождество между формами и принципами этихъ двухъ порядковъ. Выходить, что представитель метафизической логики разработалъ-бы всѣ вопросы, которыми ограничивается логика не-метафизическая, совершенно независимо отъ своей метафизической точки зрѣнія въ этой наукѣ. Мы сказали, что метафизическая логика характеризуется только тѣмъ, что здѣсь ставятъ вопросъ о тождествѣ, сходствѣ или несходствѣ логическихъ законовъ и формъ съ формами и принципами метафизическими и рѣшаютъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Теперь мы можемъ сказать больше. Мы можемъ признать: добавочный вопросъ этотъ таковъ, что постановка и утвердительное рѣшеніе его не отражаются на постановкѣ и рѣшеніи всѣхъ прочихъ вопросовъ, на рѣшеніи тѣхъ вопросовъ, которымъ посвящена всякая не-метафизическая логика, — за исключеніемъ, конечно, того случая, когда кто рѣшаетъ этотъ добавочный вопросъ,

интересующій представителей метафизическаго направленія, напередъ и напередъ задается цѣлью оправдать при изложениі системы логики свой взглядъ.

Конечно, нельзя утверждать, будто метафизическое направленіе, *на самомъ дѣлѣ*, нисколько не отражается на содержаніи логики и вовсе не проявляется при рѣшеніи разнаго рода, такъ сказать, обыкновенныхъ вопросовъ этой науки, будто представители разбираемаго направленія только тогда уклоняются, сравнительно съ другими учеными и мыслителями, въ сторону, когда послѣ рѣшенія всѣхъ прочихъ вопросовъ задается цѣлью опредѣлить отношеніе между принципами логическими и метафизическими. Можно только сказать: характерныя особенности метафизической логики, — выставлемый здѣсь вопросъ о сходствѣ между формами и принципами двухъ порядковъ и утвердительное рѣшеніе подобнаго вопроса, — особенности эти таковы, что онѣ могутъ и не оказывать вліянія на разработку всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые разсматриваетъ логика не-метафизическая, что онѣ не вліяютъ необходимо на разработку этихъ вопросовъ, что ими еще не опредѣляется напередъ такое или иное рѣшеніе этихъ прочихъ вопросовъ. Метафизическая логика, сравнительно со всякой другой, заключаетъ въ себѣ извѣстныя добавленія. Эти добавленія, говоримъ мы, сами по себѣ, не опредѣляютъ всего того, что содержится въ метафизической логикѣ, кромѣ таковыхъ добавленій, что обще метафизической логикѣ и всякой иной. Назовемъ содержаніе всякой не-метафизической логики $a+b+c$; добавленія, которыя вносятъ послѣдователи метафизическаго направленія, d . Наше d , само по себѣ, не вліяетъ на свойства $a+b+c$; $ab+c$ не измѣняется подъ вліяніемъ d . Метафизическая логика отличается отъ не-метафизической присутствіемъ d . Но это d есть нѣчто такое, что на все прочее, на $a+b+c$, никакого вліянія не оказываетъ. Можно сказать иначе. *Логически* изъ тѣхъ добавленій, которыя вносятъ представители метафизическаго направленія, отнюдь не вытекаетъ такой или иной характеръ, такія или иныя измѣненія въ прочемъ содержаніи науки логики, хотя, быть можетъ, *психологически* подобная прибавка и обусловливаетъ часто здѣсь извѣстныя измѣненія.

Итакъ, если метафизическое направленіе сказывается у тѣхъ или другихъ ученыхъ или мыслителей во всемъ содержаніи логики, то это объясняется не изъ характерныхъ особенностей направленія, а изъ причинъ психологическихъ, изъ того, что у представителей метафизической логики мысли часто складываются своеобразно подъ вліяніемъ напередъ принятой идеи о сродствѣ между законами нашей науки и принципами метафизики.

Но необходимо принять во вниманіе еще одинъ случай, когда логика у послѣдователей интересующаго насъ направленія можетъ всѣмъ своимъ содержаніемъ отличаться отъ всякой логики не-метафизической. Приверженцы этого направленія находятъ сходство между логикой и устанавливаемыми здѣсь принципами и формами, съ одной стороны, и метафизикой съ ея принципами, съ другой. Для того, чтобы признать такое сходство, надо напередъ, такъ сказать, имѣть предъ собою систему логики и систему метафизики, нужно, хотя въ общихъ чертахъ, опредѣлить основную идею и принципы этихъ двухъ наукъ: иначе никакое сравненіе невозможно. Такимъ образомъ метафизическое направленіе всегда предполагаетъ выработанную напередъ, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ систему логики,—выработанную, независимо отъ тѣхъ взглядовъ, которыми характеризуется, именно, метафизическое направленіе. Разработка не-метафизической логики составляетъ для того, кто въ концѣ концовъ становится на почву этого направленія, какъ-бы первый шагъ въ развитіи его логическихъ взглядовъ. Когда этотъ первый шагъ сдѣланъ, тогда ставится «добавочный» вопросъ,—вопросъ, котораго логика не-метафизическая не разсматриваетъ,—вопросъ о сродствѣ между логическими принципами и формами и—метафизическими. Назовемъ это вторымъ шагомъ при выработкѣ метафизической логики. Но возможенъ еще третій шагъ. Положимъ, мы построили обыкновенную систему логики и нашли затѣмъ, что логика и метафизика—одно и то-же, что логика и есть ничто иное, какъ метафизика или, по крайней мѣрѣ, извѣстная часть метафизики, что принципы и формы логическіе суть, собственно, принципы и формы метафизическіе. Можно идти дальше.

Можно дальше развивать тѣ метафизическіе принципы, которые мы признали тождественными съ логическими. Можно дальше разрабатывать тотъ отдѣлъ метафизики, который, съ нашей точки зрѣнія, совпадаетъ съ логикой, и, конечно, подобныя разсужденія не найдутъ себѣ ничего аналогичнаго ни въ какой не-метафизической логикѣ. Этого мало. Мы разсмотрѣли, какимъ образомъ должна выработываться у каждаго изъ послѣдователей разбираемаго направленія система метафизической логики. Всякій ученый или мыслитель долженъ составить себѣ напередъ систему не-метафизической логики и можетъ выполнить это, независимо отъ основной идеи логики метафизической; затѣмъ представитель интересующаго насъ направленія сравниваетъ логическіе принципы съ метафизическими и, наконецъ, можетъ разработать еще, такъ сказать, добавочный отдѣлъ, который нисколько не сходенъ ни съ какимъ отдѣломъ логики не-метафизической. Первый шагъ необходимъ для того, чтобы можно было сравнивать законы логики съ принципами метафизики; систему не-метафизической логики каждый представитель направленія метафизическаго долженъ себѣ выработать, чтобы имѣть объекты для сравненія. Но за написаніе трактата по логикѣ всякій ученый или философъ, конечно, берется тогда, когда у него уже есть нѣкоторое знакомство съ этой наукой. Можно предположить не-метафизическую логику извѣстной и прямо приступить къ сравненію логическихъ принциповъ съ метафизическими, а затѣмъ перейти къ составленію чисто метафизической части—сдѣлать третій шагъ въ разработкѣ метафизической логики. Можно, такъ сказать, начать въ сочиненіи, посвященномъ логикѣ метафизической, прямо со втораго шага, не дѣлая перваго вовсе. Разумѣется, въ такомъ случаѣ въ нашемъ трактатѣ вопросы обыкновенной логики не только не будутъ рѣшаться, независимо отъ основной идеи, которой характеризуется метафизическое направленіе, но и не будутъ, быть можетъ, выставлены вовсе. Въ нашу метафизическую логику тогда совсѣмъ не войдетъ логика не-метафизическая. И это отнюдь не доказываетъ, будто постановка и утвердительное рѣшеніе основнаго вопроса метафизической логики—о сходствѣ

между нашей наукой и метафизикой—измѣняетъ у насъ въ данномъ случаѣ все содержаніе логики. Философъ, который разрабатываетъ, положимъ, метафизическую логику, начавъ, если можно такъ выразиться, прямо со втораго шага, все-же долженъ для себя самого напередъ построить систему не-метафизической логики и, оставаясь послѣдовательнымъ, выработать подобную систему, независимо отъ такого или иного рѣшенія добавочнаго вопроса логики метафизической. Только система эта оказывается у него неизложенной на бумагѣ.

Возьмемъ случай еще болѣе крайній. Предположимъ, что какой-либо ученый или мыслитель въ томъ сочиненіи, которое онъ посвящаетъ метафизической логикѣ, начинаетъ, такъ сказать, прямо со втораго шага. И вотъ, сравнивая логическіе формы и принципы съ метафизическими, онъ, положимъ, приходитъ къ заключенію, что не-метафизическая логика вообще совершенно несостоятельна, что отъ всякой не-метафизической логики разъ на всегда нужно отказаться, замѣнивъ таковую новой, чисто метафизической,—и затѣмъ дѣлаетъ третій шагъ въ выработкѣ метафизической логики и разрабатываетъ, на самомъ дѣлѣ, метафизику или, по крайней мѣрѣ, ту часть метафизики, которую онъ признаетъ за логику. Спрашивается, оказываетъ-ли въ такомъ случаѣ метафизическое направленіе вліяніе на все то, что составляетъ содержаніе логики не-метафизической? Можно и здѣсь прямо отвѣтить: нѣтъ. Метафизическая логика, какъ мы уже не разъ говорили, характеризуется тѣмъ, что тутъ выставляютъ вопросъ о сходствѣ между логическими принципами и метафизическими и съ разнаго рода ограниченіями или даже и безъ ограниченій рѣшаютъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. И подобное рѣшеніе указанного вопроса, говоримъ мы, не отражается на прочемъ содержаніи логики, на томъ, что метафизическая логика имѣетъ общаго со всякой логикой не-метафизической. Но отсюда не слѣдуетъ, будто это «прочее содержаніе» должно во всякой метафизической логикѣ быть сходнымъ съ содержаніемъ обыкновенной логики не-метафизической. Обозначимъ опять содержаніе не-метафизической логики чрезъ $a+b+c$, а ту прибавку, которую дѣлають приверженцы интересующаго насъ направле-

нія, чрезъ d . Наше d не оказываетъ, само по себѣ, вліянія на $a+b+c$. Это не значитъ, что у каждаго изъ представителей метафизическаго направленія $a+b+c$ должно оставаться во всѣхъ отношеніяхъ тѣмъ-же, чѣмъ оно является въ большинствѣ системъ не-метафизическихъ. Добавочное d не оказываетъ на $a+b+c$ вліянія; но, быть можетъ, въ силу какихъ-либо иныхъ причинъ $a+b+c$ у тѣхъ или другихъ авторовъ логическихъ трактатовъ все-же измѣнено. Характерными особенностями метафизической логики нисколько не опредѣляется такое или иное рѣшеніе вопросовъ, которые общи логикѣ метафизической и не-метафизической. Но изъ этого не вытекаетъ, что всякая метафизическая логика должна, на самомъ дѣлѣ, задаваться всѣми вопросами, какіе выставляютъ обыкновенно въ логикѣ не-метафизической, и должна рѣшать эти вопросы въ томъ-же духѣ. И, еслибы, на самомъ дѣлѣ, оказалось, что тотъ или другой представитель разсматриваемаго направленія измѣняетъ логику во всемъ ея составѣ, отвергая все, чѣмъ исчерпывается содержаніе не-метафизической логики, и построивъ нѣчто совершенно новое, то это отнюдь не могло-бы доказывать, будто такая реформа вытекла изъ характерныхъ особенностей метафизическаго направленія.

Особенность метафизической логики заключается въ томъ, что здѣсь разсматриваютъ вопросъ о сходствѣ между нашей наукой и метафизикой и рѣшаютъ вопросъ этотъ—съ ограниченіями или безъ ограниченій—въ утвердительномъ смыслѣ. Это—особенность, которую мы найдемъ *всегда* въ логикѣ, съ направленіемъ метафизическимъ. Это—*основная* особенность метафизической логики, и таковъ характеръ того направленія, которое называютъ метафизическимъ. Притомъ этимъ *исчерпываются* особенности метафизическаго направленія. А дальше метафизическая логика можетъ принимать всякаго рода *модификаціи*. Можетъ такая логика признать параллелизмъ между законами нашей науки и принципами, которые распространяются на объективный міръ. Можно говорить объ отношеніи тождества между принципами логики и —метафизики или вообще какой-либо науки, изучающей объективный міръ. Возможенъ такой случай, когда представители разбираемаго на-

вленія, произведя напередъ извѣстную реформу въ логикѣ, только послѣ этого уже признають сходство или тождество между нашей наукой и какой-либо наукой объ объективномъ мірѣ или-же просто метафизикой. И, если мы всѣ эти модификаціи расположимъ въ такомъ порядкѣ, чтобы каждая слѣдующая представляла, сравнительно съ предшествующей, большее несходство съ обыкновенной не-метафизической логикой, то крайнее мѣсто заняла-бы у насъ логическая система, гдѣ все содержаніе не-метафизической логики отброшено, система, которая построена на совершенно новыхъ основаніяхъ и не заключаетъ въ себѣ ничего такого, чтó въ то-же время входитъ въ составъ логики, когда эту науку разрабатываютъ не въ духѣ направленія метафизическаго ³⁹⁹). Но подобныя модификаціи не обусловливаются тѣми основными особенностями метафизической логики, на которыя мы указали. А вмѣстѣ съ тѣмъ модификаціи эти настолько отличаются одна отъ другой, что, кромѣ намѣченныхъ особенностей, не имѣютъ ничего общаго. Такимъ образомъ, несмотря на такія модификаціи, мы все-же должны остаться при нашемъ опредѣленіи метафизической логики.

Разсмотримъ теперь, такъ сказать, крайній примѣръ изъ исторіи нашей науки. Остановимся на логикѣ Гегеля и, именно, на его «объективной логикѣ». Здѣсь вопросы не-метафизической логики просто отброшены, и мѣсто ихъ заступаютъ, вопросы совершенно иные. Но о чемъ можетъ свидѣтельство-
вать намъ этотъ фактъ? Фактъ этотъ не указываетъ на то

³⁹⁹) Мы впрочемъ не настаиваемъ на томъ, будто каждая изъ подобныхъ модификацій метафизической логики, дѣйствительно, встрѣчается въ исторіи нашей науки. Дѣло идетъ у насъ только о модификаціяхъ возможныхъ. Мы склонны думать, что такой коренной реформы, чтобы новая система метафизической логики не заключала въ себѣ ничего сходнаго съ тѣмъ, чтó создала до тѣхъ поръ логика не-метафизическая,—что такой коренной реформы не произвелъ никто изъ представителей нашего направленія. Конечно, не говоримъ мы при этомъ о Гербертѣ Спенсерѣ, у котораго логика, быть можетъ, и оказалась-бы тѣмъ-то совершенно новымъ, еслибы онъ таковую разработалъ, на самомъ дѣлѣ, и разработать воплія согласно со своей общей идеей объ этой наукѣ, какъ наукѣ объ «объективныхъ соотношеніяхъ»,—еслибы притомъ создать подобную новую логику оказалось, дѣйствительно, возможнымъ. Но Спенсеръ новой системы логики не выработалъ.

будто характерныя особенности метафизическаго направленія нужно опредѣлить иначе. Мы, несмотря на подобные факты, все-же имѣемъ право сказать, что тотъ добавочный вопросъ, который метафизическая логика разсматриваетъ и рѣшаетъ въ утвердительномъ смыслѣ, самъ по себѣ, не вліяетъ на постановку и рѣшеніе прочихъ вопросовъ науки логики. Содержаніе Гегелевской «объективной логики» въ высшей степени отличается отъ содержанія всякой логики не-метафизической. Но что отсюда слѣдуетъ? Развѣ это вытекаетъ изъ тѣхъ особенностей, благодаря которымъ къ логикѣ Гегеля, дѣйствительно, приложимо названіе метафизической? Развѣ это обуславливается особенностями, которыя принадлежатъ метафизической логикѣ вообще? Характеризуется, говоримъ мы, направленіе метафизическое тѣмъ, что представители его обсуждаютъ вопросъ о сходствѣ между логическими формами и формами метафизическими и рѣшаютъ этотъ въ утвердительномъ смыслѣ. Развѣ отличительныя черты содержанія Гегелевской «объективной логики», сравнительно со всякой логикой не-метафизической, могутъ быть объяснены изъ этого обстоятельства? Конечно, нѣтъ. Сравненіе заставило Гегеля признать логику прямо за извѣстный отдѣлъ метафизики, логическіе принципы за метафизическіе ⁴⁰⁰). Еслибы Гегель ограничился тѣмъ, что сравнилъ-бы логику въобыкновенномъ ея составѣ съ метафизикой, и еслибы онъ пришелъ, положимъ, при этомъ къ заключенію, что наша наука представляетъ нѣкоторый отдѣлъ метафизики, то логика была-бы у него повтореніемъ обыкновенной прежней логики съ присоединеніемъ добавочныхъ разсужденій о томъ, что логическіе принципы оказываются, на самомъ дѣлѣ, метафизическими. Такимъ образомъ выходитъ, что утвердительное рѣшеніе вопроса о сходствѣ между нашей наукой и метафизикой не могло измѣнить у Гегеля все содержаніе его «Логики». Напротивъ, опираясь только на это сходство и не привнося никакихъ иныхъ сколько-нибудь важныхъ идей, этотъ мыслитель долженъ былъ-бы повторить цѣликомъ безъ измѣненій содержаніе обыкновенной ло-

⁴⁰⁰⁾ См. выше.

гики. Итакъ, можно и по отношенію къ Гегелю утверждать, что мысль о сходствѣ между логикой и метафизикой, мысль о томъ, будто логика, собственно, представляетъ часть метафизики и законы нашей науки оказываются принципами метафизическими, — что эта мысль, сама по себѣ, не могла у нашего философа измѣнить то, что онъ высказываетъ по поводу вопросовъ, которые остаются общими для метафизической и не-метафизической логики.

Но спрашивается, откуда въ такомъ случаѣ объясняется коренное различіе между Гегелевской «объективной логикой» и всякой логикой не-метафизической? Мы уже говорили, что, предполагая понятіе о логикѣ и весь комплексъ положеній, которыми исчерпывается эта наука, извѣстными, представители интересующаго насъ направленія иногда прямо начинаютъ при разработкѣ метафизической логики, если можно такъ выразиться, со втораго шага. Они не останавливаются на логикѣ съ обыкновеннымъ ея содержаніемъ вовсе и прямо приступаютъ къ сравненію логическихъ принциповъ съ метафизическими. Это дѣлаетъ и Гегель. Первую часть того большого сочиненія, которое онъ посвятилъ нашей наукѣ, составляетъ его «Объективная логика», и эту послѣднюю Гегель начинаетъ разсужденіемъ о томъ, что «въ знаніи субъектъ и объектъ объединяются», что логика, собственно, сводится къ метафизикѣ ⁴⁰¹). Далѣе. Начинаетъ нашъ философъ свою «Объективную логику», какъ только что сказано, разсужденіемъ о томъ, что логика, на самомъ дѣлѣ, сводится къ метафизикѣ и что обыкновенная логика, въ которой всякій метафизическій элементъ устраненъ, недостаточна. И вотъ, онъ дальше разрабатываетъ тотъ отдѣлъ метафизики, который признаетъ тождественнымъ съ логикой, — дѣлаетъ третій шагъ при выработкѣ своей метафизической логики. Такую дальнѣйшую разработку той части метафизики, которая будто-бы совпадаетъ со всѣмъ цѣлымъ нашей науки, и представляетъ «Объективная логика». А въ «Логикѣ субъективной» Гегель опять возвращается къ обыкновенно при-

⁴⁰¹) G. W. Fr. Hegel «Werke». Bde III—IV. Berl. 1833—1834. «Wissenschaft der Logik. I Th. Die objective Logik». Bd. III p. 26—56.

знаваемымъ логическимъ формамъ, только старается объяснить ихъ метафизическое значеніе. Вотъ весь планъ принадлежащаго Гегелю большаго логическаго труда.

Есть рядъ вопросовъ, которые принадлежатъ не-метафизической логикѣ, $a+b+c$. Въ логикѣ метафизической, кромѣ того, сравниваютъ логическіе принципы съ метафизическими— d . Затѣмъ логика этого направленія можетъ заключать въ себѣ дальнѣйшую разработку того отдѣла метафизики, который признають здѣсь тождественнымъ съ логикой,— m . Наконецъ, можно иллюстрировать всѣ логическіе, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, принципы, съ точки зрѣнія идеи о сходствѣ между этой наукой и метафизикой: назовемъ это послѣднее прибавленіе— n . Такимъ образомъ метафизическая логика можетъ заключать въ себѣ $a+b+c+d+m+n$. Если-же тотъ или другой представитель разсматриваемаго направленія перваго шага при этомъ не дѣлаеть, то содержаніе его логическаго трактата выразится формулой $d+m+n$. Таковъ, именно, составъ Гегелевской «Логики». Безъ этого d не было-бы $m+n$, но на $a+b+c$ оно не оказываетъ вліянія. Пусть, Гегель думаетъ, что неправильно излагать логику, не касаясь вопросовъ метафизики, что логика сводится къ метафизикѣ, а потому и нужно всегда говорить о логическихъ принципахъ, принимая во вниманіе ихъ метафизическое значеніе. Все-же подъ вліяніемъ такой идеи не могли измѣниться чисто логическіе его взгляды,—тѣ взгляды, которые всякій представитель не-метафизическаго направленія назвалъ-бы, дѣйствительно, логическими. Нашъ мыслитель долженъ въ такомъ случаѣ излагать ихъ въ связи съ метафизическими своими воззрѣніями, но взгляды эти все-же могутъ оставаться у него такими-же, какъ еслибы Гегель не признавалъ тождества между законами логики и принципами метафизики. Направленіе метафизическое не можетъ, само по себѣ, заставить его держаться новыхъ логическихъ формулъ, рекомендовать инныя формы для мышленія, принять иной критерій нормальности и ненормальности для формъ человѣческой мысли и т. д.

Впрочемъ будемъ выражаться точнѣе. Мы часто ради удобства рѣчи говоримъ, что метафизическое направленіе «не

измѣняетъ прежняго содержанія логики». Собственно, дѣло идетъ у насъ не о томъ, «измѣняютъ-ли» представители нашего направленія «прежнюю логику» или нѣтъ, а о томъ, что добавленіе, которымъ характеризуется метафизическая логика, не оказываетъ, *само по себѣ, необходимымъ образомъ* вліянія на прочее содержаніе логики. Въ метафизической логикѣ представляютъ и рѣшаютъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о сходствѣ между нашей наукой и метафизикой. Кромѣ того здѣсь можно иногда найти еще разсужденія чисто метафизическія. Все это прибавленіе, говоримъ мы, не опредѣляетъ прочаго, не-метафизическаго содержанія логики. Это добавленіе возможно при всякаго рода прочемъ содержаніи. Характеръ подобнаго добавленія таковъ, что послѣднее соединимо съ не-метафизическимъ содержаніемъ логики, въ какомъ-бы духѣ наша наука ни была разработана. Метафизическая логика обыкновенно заключаетъ въ себѣ и кое-что не-метафизическое. Метафизическое направленіе нисколько не опредѣляетъ направленія этихъ не-метафизическихъ частей. Метафизическая логика возможна, каковъ-бы ни былъ характеръ не-метафизическихъ частей логики.

Итакъ, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію. Метафизическое направленіе характеризуется тѣмъ, что представители его обсуждаютъ вопросъ о сходствѣ между логикой и метафизикой, логическими принципами и формами и — метафизическими и рѣшаютъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Такимъ образомъ эти ученые и мыслители вносятъ въ логику не-метафизическую извѣстныя добавленія. Но добавленія эти таковы, что они, сами по себѣ, не оказываютъ вліянія на ту часть логики метафизической, которой исчерпывается содержаніе не-метафизической логики. Вотъ и всѣ особенности метафизической логики. Последняя можетъ, правда, принимать различныя модификаціи; но модификаціи эти настолько отличны одна отъ другой, что имѣютъ общими только указанные особенности.

Но если такъ, если то добавленіе, которое вносятъ въ логику приверженцы метафизическаго направленія, присоединимо къ логикѣ всякаго направленія, то оно можетъ быть при-

соединено и къ логикѣ «формальной, въ тѣсномъ» или «въ болѣе широкомъ смыслѣ». Выходить такимъ образомъ, что и «формальная» логика, какъ «въ тѣсномъ», такъ и «въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», можетъ стать метафизической, — если только сдѣлать здѣсь соотвѣтствующія добавленія (напримѣръ, Гегелевская «субъективная логика» есть, собственно, логика «формальная, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова»; а попытку дать метафизическое направленіе логикѣ «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», сдѣлалъ ⁴⁰²⁾ É. I. Rabier). И можно сказать больше. Метафизическая логика, на самомъ дѣлѣ, оказывается, обыкновенно лишь извѣстнаго рода видоизмѣненіемъ логики формальной, въ обыденномъ смыслѣ этого слова ⁴⁰³⁾.

Оглянемся назадъ. Мы въ настоящемъ изслѣдованіи стремимся опредѣлить, чему должна посвятить себя наука логики, каковы должны быть ея основныя задачи. Рѣшать этотъ вопросъ приходится, какъ мы видѣли, на почвѣ историческаго изученія нашей науки. Чтобы выполнить это послѣднее условіе и обозрѣть различныя направленія въ логикѣ, мы остановились на раздѣленіи, которое обыкновенно принимаютъ Нѣмецкіе ученые. Эти послѣдніе большей частью различаютъ логику формальную съ ея подраздѣленіями и — метафизическую. Мы сначала разсмотрѣли формальную логику. Логика, въ этомъ направленіи разработанная, опредѣляетъ, видѣли мы, особенности мысли нормальной, — въ отличіе отъ ненормальной. При этомъ логика «формальная, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», принимаетъ за критерій нормальности и ненормальности для формъ человѣческой мысли истинность, а логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», — послѣдовательность въ мысли. Анализъ привелъ насъ къ заключенію, что логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», составляетъ часть логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», — впрочемъ часть такую, которая, если ее

⁴⁰²⁾ См. выше.

⁴⁰³⁾ Исключеніе представляетъ развѣ только, такъ сказать, проэктированная логика Герберта Спенсера и — до нѣкоторой степени — «логика природы» Е. Dühring'a.

разрабатывать видъ ея отношенія къ цѣлому, отличается нѣсколько своеобразнымъ характеромъ. Затѣмъ мы перешли къ логикѣ метафизической и рассмотрѣли особенности этого направления. Мы видѣли, что метафизическая логика характеризуется извѣстными добавленіями, но добавленія эти на прочихъ частяхъ логики не отражаются, такъ что формальная логика можетъ быть метафизической. Такимъ образомъ намъ говорятъ: есть два направленія въ логикѣ, — метафизическое и формальное. А потомъ оказывается, что логика формальная можетъ въ то-же время быть метафизической, оказывается, что члены логическаго дѣленія не исключаютъ одинъ другаго. Это, конечно, должно заставить насъ признать, что самое раздѣленіе, съ точки зрѣнія нашей науки, неправильно. Въ самомъ этомъ раздѣленіи допущена коренная ошибка: члены дѣленія, какъ сказано, не исключаютъ одинъ другаго. Впрочемъ мы здѣсь имѣемъ предъ собой скорѣе неточность въ выраженіяхъ, чѣмъ ошибку мысли. Тѣ ученые, которые такое дѣленіе принимаютъ, называютъ логику наукой формальной. Но вотъ къ *формальной* логикѣ нѣкоторые мыслители присоединяютъ *метафизическій* элементъ, и она становится метафизической. Намъ, вмѣсто того, чтобы сказать, что, кромѣ логики формальной только, есть логика формальная, которую въ то-же время можно назвать метафизической, и говорятъ: можно различить логику формальную и метафизическую. Быть можетъ, въ этомъ дѣленіи только и имѣютъ въ виду разницу между логикой метафизической и не-метафизической, но за не-метафизическимъ направленіемъ оставляютъ общее названіе формальнаго. Повторяемъ, то дѣленіе, изъ котораго мы исходимъ, слѣдовало-бы измѣнить. Нельзя дѣлить направленія въ логикѣ на формальное и метафизическое. Метафизическая логика — также логика формальная. Мы, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ имѣемъ предъ собой только логику формальную, а не формальную и метафизическую. Можно, имѣя въ виду тѣ направленія въ нашей наукѣ, которыя мы до сихъ поръ рассмотрѣли, различить логику метафизическую и не-метафизическую, смотря по тому, заключаетъ-ли въ себѣ данная система тѣ добавленія, которыми характеризуется логика метафизиче-

ская или нѣтъ, и затѣмъ пояснить, что логику вообще, какъ мы, разсмотрѣвъ направленія, которыя обыкновенно имѣютъ въ виду Нѣмецкіе ученые, пока таковую знаемъ, можно называть наукой формальной.

То, что мы только что сказали, и даетъ намъ возможность сдѣлать здѣсь одну оговорку. Логика метафизическая оказывается въ то-же время формальной. Представители метафизическаго направленія придерживаются формальной логики. А потому, еслибы мы дѣлали каждый разъ полное перечисленіе, мы должны были-бы всѣхъ, кто стоитъ на почвѣ метафизической логики, называть также и въ числѣ приверженцевъ направленія «формальнаго, въ тѣсномъ» или «въ болѣе широкомъ смыслѣ». И то обстоятельство, что тогда вышло-бы, будто одинъ и тотъ-же ученый иногда придерживается двухъ направленій, — и метафизическаго, и формальнаго, отнюдь не должно было-бы казаться страннымъ. Но мы не стремимся къ тому, чтобы представить исторію логики, и литературы этой науки касаемся лишь настолько, насколько это необходимо для выясненія интересующаго насъ вопроса. Намъ нужно только охарактеризовать различныя направленія. Мы останавливаемся каждый разъ лишь на сочиненіяхъ болѣе или менѣе характерныхъ. Вотъ почему мы и не указали на представителей метафизической логики, когда рѣчь шла у насъ о направленіи формальномъ. Только имя *Él. Rabier* попадаетъ у насъ въ двухъ мѣстахъ. И это послѣднее обстоятельство, повторяемъ, не должно казаться страннымъ. Напротивъ, скорѣе можно было-бы считать неестественнымъ, что въ двухъ мѣстахъ упоминается только имя *Él. Rabier*, а о прочихъ представителяхъ науки логики мы говоримъ о каждомъ лишь одинъ разъ: или только тогда, когда рѣчь идетъ о логикѣ формальной, или только тогда, когда идетъ дѣло о метафизическомъ направленіи въ нашей наукѣ.